

**ПАВЕЛ
КОРНЕВ**

**БЕЗ ГНЕВА И
ПРИСТРАСТИЯ**

Город Осень

Павел Корнев

Без гнева и пристрастия

«Автор»

2014

Корнев П. Н.

Без гнева и пристрастия / П. Н. Корнев — «Автор»,
2014 — (Город Осень)

ISBN 978-5-9922-1841-1

Мир, расколотый на части. Железные дороги, пронзающие саму Вечность. Город, пойманный в плен бесконечной осени. Дождь, слякоть, грязь. А еще — яркие витрины магазинов, неоновые вывески казино и вереницы дорогих автомобилей. Город Осень не спит никогда, и никто не знает, что приключится в нем очередной беспокойной ночью. Прорвутся в подземку сущности? Взорвется подпольная алхимическая лаборатория? Проведут очередную акцию бомбисты? Или попросту гангстеры ограбят банк? Специальный комиссар полиции Виктор Грай расследует убийство племянницы члена городского совета, и чем больше узнает, тем отчетливей понимает, что некто затеял большую игру. Но кто этот таинственный кукловод и какова его истинная цель? Одна лишь власть или стремление заглянуть за ширму мироздания? Комиссар этого не знает. Как не знает, хватит ли ему самому выдержки завершить расследование без гнева и пристрастия...

ISBN 978-5-9922-1841-1

© Корнев П. Н., 2014

© Автор, 2014

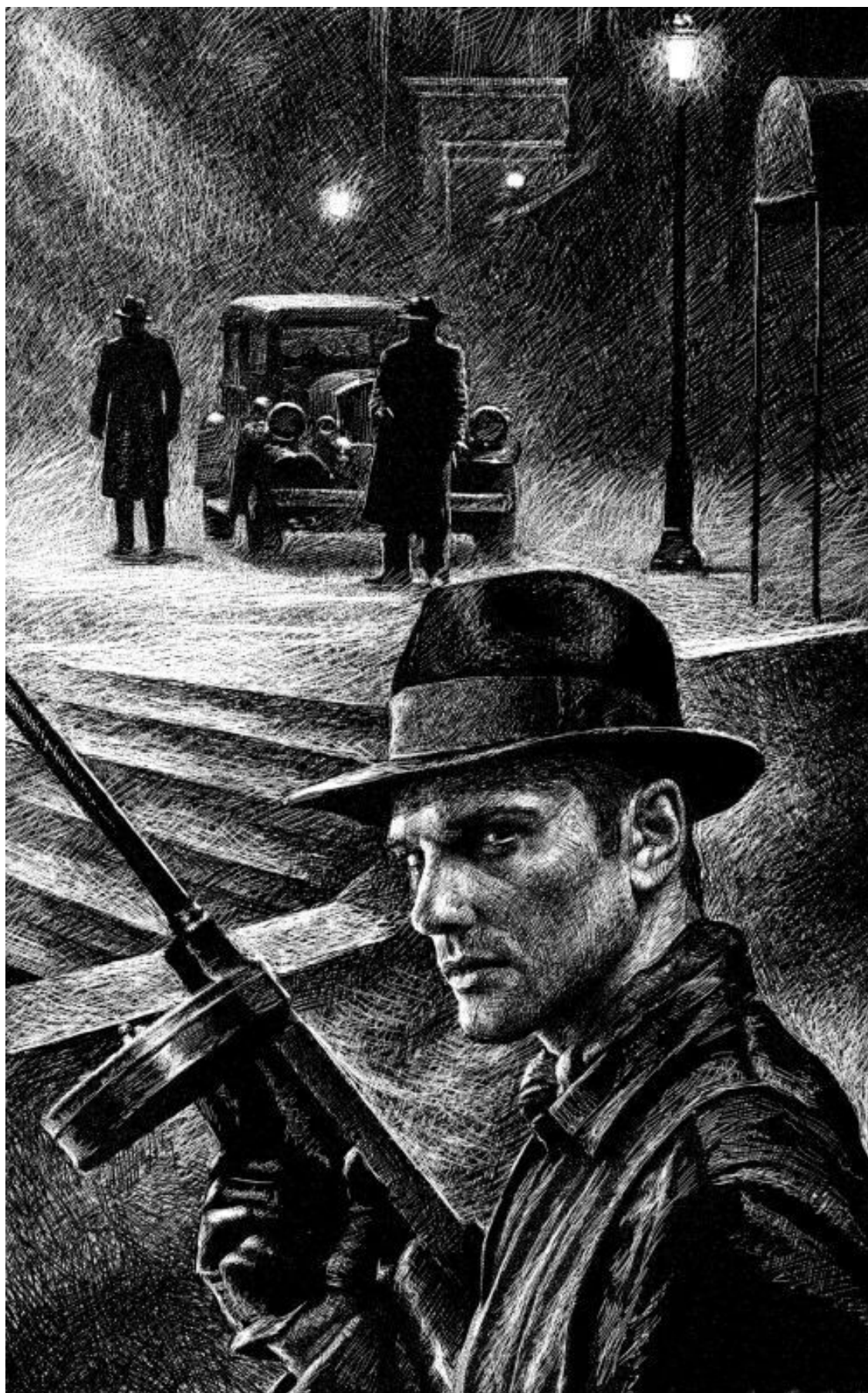
Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	38
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Павел Корнев

Без гнева и пристрастия

Пролог

Никто не должен встречать Новый год в одиночестве. Уж и не помню, кем и по какому поводу была изречена эта сентенция, но до недавнего времени я был согласен с ней целиком и полностью.

До недавнего времени? Черт побери! Да еще четверть часа назад я бы только пальцем у виска покрутил, возжелай кто-нибудь из моих знакомых остаться в новогоднюю ночь наедине с собой!

Но то – четверть часа назад. А вот сейчас, стоя над телом полуобнаженной девицы с простреленной головой, больше всего я хотел открутить время назад, лечь спать и отключить телефон. В идеале – уехать в другой город.

Но не судьба.

Я достал сигарету, вспомнил, где нахожусь, и спрятал ее обратно. Развернулся к стоявшему в дверях Бригу и мрачно уставился на него.

– Зачем ты притащил меня сюда, Алекс?

– Мне нужна твоя помощь, Виктор, – без обиняков заявил медиатор.

– Тебе? – язвительно улыбнулся я и обвел рукой просторную гостиную с лепниной под потолком. – Думаешь, я не знаю, чей это дом?

Алекс с невозмутимым видом прислонился к косяку и как нечто само собой разумеющееся выдал:

– Он этого не делал.

Высокий, крепко сбитый медиатор с непроницаемым лицом завязанного картежника просто источал уверенность в собственной правоте, но на меня его голословное утверждение особого впечатления не произвело.

– Тем лучше, – хмыкнул я и посоветовал: – Оставь это адвокатам.

– Если случится огласка, его репутации придет конец вне зависимости от вердикта.

– И что с того?

– Его подставили.

– Все так говорят, – резонно заметил я.

Мой настырный приятель отлип от дверного косяка и подошел к телу молоденькой блондинки в одном лишь корсете с подвязками и чулках.

– Ты действительно думаешь, что он сотворил бы нечто подобное в собственном доме? – спросил медиатор. – Ты же видел его! По-твоему, он похож на клинического идиота?

Я только плечами пожал.

– Праздничное застолье, опьянение, ссора, закономерная развязка...

– Чушь! – фыркнул Алекс. – И ты это прекрасно понимаешь!

– И что с того? – спросил я, не став настаивать на озвученной версии. – выступи в суде с заявлением «Я не верю, что он это сделал». Меня на кой черт позвал?

– Надо избавиться от тела, – прямо заявил Алекс Бриг.

«Это все профессиональная деформация психики», – решил я.

Она, праздничное подпитие и легкий шок.

Медиатор зарабатывает на жизнь, решая чужие проблемы; убийство для него – всего лишь очередная неприятность, которую можно – более того, нужно! – замять. А тут еще пара тумблеров виски за праздничным столом и чрезвычайно важный клиент. Вот и понесло.

Поэтому возмущаться я не стал, просто притянул приятеля к себе за лацкан пиджака и веско произнес:

– Ты заигрался, Алекс. Завязывай. Я все еще полицейский, не забывай об этом.

– Да перестань, Виктор! – Бриг высвободился, оправил пиджак и достал портсигар. – Ты полицейский – да, но разве может полицейский дать свершиться подобной несправедливости? Пусть даже следствие и установит исполнителей, провокация в любом случае достигнет своей цели. Ты этого хочешь?

- Не играй со мной в слова, – хмыкнул я и попросил: – И не кури здесь!
- Почему? – удивился Алекс.
- Это место преступления, – напомнил я.
- Виктор! – не выдержал медиатор. – Ты невыносим!
- А сам-то!

Я отвернулся от приятеля и окинул взглядом забрызганную кровью стену, делая вид, будто рассматриваю картину на ней. На холсте обнаженная дама готовилась принять ванну, и несколько багряных капелек четко выделялись на фоне нарисованного белой краской кафеля.

На самом деле картина интересовала меня постольку поскольку. Хотя я старался не показывать виду, но слова медиатора меня зацепили. И зацепили крепко. Нет, убийства в высшем обществе – вовсе не редкость, но когда убивают по расчету, то, как правило, пытаются хоть как-то замести следы, а если смертоубийство случается в порыве ярости, в ход обычно идут кухонные ножи, бутылки или даже просто кулаки.

Убийства в состоянии аффекта неряшливы. Здесь же – один выстрел из штуцера, и все.

– В доме есть оружие? – спросил я, изучая бурые потеки на стенах.

– Оружейная комната на втором этаже.

На втором этаже? Поругаться, сходить за оружием, вернуться и застрелить?

Из крупнокалиберного штуцера? В собственной гостиной?

Я был лучшего мнения об умственных способностях хозяина дома. Я даже за него голосовал.

И если его действительно подставили, то вызов полиции полностью соответствует планам преступников. Избиратель не поймет, окружение отвернется. Можно что угодно творить за закрытыми дверями, но мертвая полуголая девица пустит под откос карьеру любого политического тяжеловеса.

– Одного его звонка будет достаточно, чтобы тебя восстановили на службе, – многозначительно произнес Алекс, мастерски ткнув в большое место. – Подумай, как это облегчит тебе жизнь.

– Меня еще не уволили.

– Но отстранили.

– Помолчи, – попросил я, обошел лужу крови на паркете и присмотрелся к пулевому отверстию в стене. Потом вернулся к телу, шагами измерил рост покойницы и указал приятелю: – Встань сюда.

Алекс выполнил распоряжение; я отступил от него на несколько шагов, посмотрел со стороны, затем перевел взгляд на продырявленную стену и нахмурился.

Девица была лишь немногим ниже меня и при жизни доставала макушкой медиатору до плеча; пуля угодила ей в лицо, но дыра в деревянной панели темнела почему-то гораздо ниже, примерно на уровне груди. Хозяин особняка не настолько высок, чтобы пуля прошла по такой траектории, и на коленях перед смертью жертва тоже стоять не могла, слишком низко...

– Виктор, ты что-то нашел? – насторожился Бриг.

– Алекс, ты понимаешь, что нельзя этого делать? – спросил я в ответ.

– Чрезвычайная ситуация – чрезвычайные меры.

– Ты толкаешь меня на совершение должностного преступления.

– Когда тебя это останавливало?

Я беззвучно выругался, потянулся за портсигаром, но пересилил себя и прошелся по комнате, бездумно скользя взглядом по вычурной мебели.

Долг или целесообразность – вот в чем вопрос.

Долг или целесообразность?

Хотя вопрос ли это на самом деле?

– Где он? – спросил у медиатора.

– В гараже.

– Зови, – распорядился я и принялся разбирать валявшуюся на кресле одежду убитой.

Платье, шарфик, перчатки. Под креслом – лакированные туфельки. На вешалке в прихожей – лишь плащ и шляпка. Сумочки нет, документов – тоже. Если это девочка по вызову – ничего странного, но девочкой по вызову покойница явно не была. Пусть и перекрасилась в блондинку, но нет, не похожа она на обычную шлюху. И на дорогую шлюху не похожа тоже.

Я просмотрел бирки на одежде и окончательно в этом уверился. Платье, изукрашенное хищными ярко-лиловыми цветами, оказалось от «Вильям Купер и сыновья». Купер обшивал весь городской истеблишмент и без должных рекомендаций не пустил бы на порог человека с улицы, пусть даже у того деньги от карманов лопались.

Выходит, не шлюха.

И куда, черт побери, подевались ее трусики? На покойнице их нет, в груди одежды на кресле – тоже. Не могла же она сюда без нижнего белья заявиться? Или могла?

– Виктор!

Я обернулся на окрик медиатора и шагнул навстречу хозяину особняка, невысокому, спортивному и подтянутому.

– Господин мэр! – слегка склонил я в приветствии голову и без колебаний пожал протянутую руку.

Что, убийцам руки никогда не пожимал? Ерунда!

Рукопожатие оказалось крепким, серовато-стальные глаза смотрели уверенно и цепко, но вот лицо подкачалось. Лицо было осунувшимся и бледным. Нервным.

– Просто Гарри, прошу вас, – попросил Гарольд Ллойд, мэр города Осень.

– Расскажите, что здесь произошло, – попросил я.

Гарольд тяжело вздохнул, но ответил без заминки.

– Я вернулся домой и увидел на полу мертвую девушку, – поведал он мне.

– Вы ее знаете?

– Нет, – уверенно ответил мэр. Обернулся, взгляделся в изуродованное выстрелом лицо и подтвердил: – Нет, первый раз вижу.

– Почему не вызвали полицию?

– Это действительно надо объяснять? – вклинился в разговор Алекс Бриг, но сразу осекся, стоило только хозяину особняка вскинуть руку.

– Я сам способен объяснить свои поступки, – заявил Гарольд Ллойд. – Знаете, Виктор, я просто запаниковал. Газетчики обожают подобную грязь, они бы вывозили меня и мою команду в дерьме с головы до ног. Я не боюсь суда, я невиновен, но сомнения у людей зародятся в любом случае. В случае огласки мне придется уйти из политики.

– С этим не поспоришь, – кивнул я и достал блокнот. – Откуда вы вернулись, в какое время, и кто мог знать, что вас не будет дома?

– Да кто угодно! – нервно рассмеялся мэр. – Я был на благотворительном новогоднем приеме!

– Во сколько вернулись домой?

– Полтора часа назад.

Я взглянул на охвативший запястье серебром браслета хронометр и уточнил:

– В два часа ночи?

– Без пяти минут, если быть точным, – сообщил Гарольд и промокнул платочком вспотевшее лицо. – На два часа у меня была назначена другая встреча. Я опаздывал и потому торопился.

– Так вы ушли до окончания приема?

– Да, сбежал оттуда. Не дотерпел до конца.

– Вот как? – задумался я. – Как добирались?

- На служебной машине. В дом водитель не заходил.
- Вы отпустили его?
- Да.

Я кивнул, вновь посмотрел на часы и спросил:

- В какое время должен закончиться прием?
- Официально? В четыре утра.
- А что побудило вас покинуть его до срока?
- Терпеть не могу эти сборища...
- И только? – не поверил я.

Гарольд Ллойд замялся и повернулся за поддержкой к Алексу, но поддержки не дождался.

- Это важно, Гарольд, – уверил его медиатор.

– Я собирался навестить свою подругу и заскочил переодеться. – Мэр оттянул лацканы темно-синего официального костюма и поморщился: – Не мог же я отправиться к ней в этом!

- Удачно получилось.

- Что вы имеете в виду?

– Хорошо, что вы заехали домой и нашли тело. – Я спрятал блокнот во внутренний карман и уточнил: – Кстати, вам не попадались на глаза трусики?

– Что?! – вскинулся мэр, вновь посмотрел на покойницу и покачал головой. – Нет, я ничего не трогал.

- Где спальня?

- На втором этаже.

- Идемте.

Алекс двинулся было за нами. Пришлось попросить его остаться.

- Смотри за подъездной дорогой, – попросил я его.

Бриг спорить не стал, выключил свет и встал у окна.

Я вслед за хозяином дома поднялся на второй этаж, прошел в спальню и только головой покачал. Комната поражала размерами, и отыскать здесь припрятанные злоумышленниками трусики было затеей, без всякого сомнения, безнадежной.

- Оружейная? – спросил я тогда у Гарольда.

- Следующая дверь, – подсказал мэр. – Хотите осмотреть?

- Да.

Ллойд вышел в коридор, отпер оружейную и запустил меня в небольшую комнатку с глухими стенами, сплошь завешанными винтовками.

- Вы храните оружие заряженным?

- Нет, никогда. Патроны в сейфе, – сообщил Гарольд. – Есть еще револьвер в спальне.

– Револьвер не нужен, – решил я и хлопнул ладонью по боковине металлического ящика с комбинированным замком, кодовым и обычным. – Осмотрюсь здесь, а вы пока общитесь спальню.

- Что искать?

- Трусики и сумочку.

– Ах да! – по лицу мэра промелькнула гримаса отвращения, но он взял себя в руки и оставил меня наедине с коллекцией оружия.

Я сдвинул на затылок шляпу и восхищенно присвистнул, разглядывая «экспозицию», основу которой составляли охотничьи карабины пятидесятого калибра. Большею частью двустольные, но встречались среди них и барабанные. Эти были заметно короче остальных и явно изготавливались на заказ.

Впрочем, роскошные игрушки меня интересовали мало, в первую очередь я вынул из крепления заурядный полицейский штуцер семьдесят пятого калибра. Переломил граненые

стволы и без особого удивления обнаружил, что у одного из патронов серебряная фольга пен-такля пробита ударом бойка. Подцепил ногтями закраину, вытащил – так и есть, стреляный. Аккуратно завернув гильзу в носовой платок, я достал второй патрон с залитыми свинцом экспансивными полостями серебряной пули, и пальцы немедленно свело от противоестественного воздействия *суициности*, заточенной в гильзе.

Убрав улики в карман, я проверил сейф с боеприпасами. Тот оказался заперт. Тогда при-смотрелся к замку входной двери, но царапин и других признаков недавнего взлома не обна-ружил.

Очень интересно. Входные двери тоже взломаны не были. Получается, злоумышленники располагали ключами? Откуда?

Покинув оружейную комнату, я заглянул в спальню и спросил у переворачивавшего там все вверх дном Гарольда Ллойда:

- Нашли?
- Револьвер на месте, – отозвался тот.
- Вещи убитой?
- Пока не вижу.
- Ищите. Мы будем внизу.

Сомневаюсь, что найдет. Здесь только одна кровать размером со всю мою старую квар-тиру, а трусики куда угодно сунуть могли.

Спустившись на первый этаж, я подошел к Алексу, встал рядом и выглянул в окно. Там – только темень да желтые круги фонарей.

- Спокойно все?
- Да, – отозвался медиатор. – Пара машин мимо проехала, никто не останавливался.
- Сходи в гараж, – попросил я его, – принеси реагент, брезент и веревку.
- Зачем?
- Понадобится.
- Где Гарри?
- Наверху. Беги давай.

Алекс поспешил в гараж. Я включил торшер, пригляделся к дыре в стене и острием служебного ножа без особого труда выковырял из простреленной деревянной панели слегка деформированную пулю. После придирчиво оглядел клинок, не обнаружил на зеркальном алхимическом покрытии ни царапины и сунул его обратно в чехол.

Только спрятал пулю в портсигар, как уже вернулся Алекс. Он выставил у дивана пару канистр и расстелил свернутый в рулон кусок брезента.

- Что-нибудь еще? – спросил медиатор.
- Веревка?
- Да, есть.
- Тогда помогай, – попросил я, склоняясь над покойницей.
- В смысле? – опешил Алекс Бриг.
- За ноги! Берись за ноги!
- Я не могу!
- Ты это все затеял, не я.

Медиатор обреченно вздохнул, начал было расстегивать плащ, но сразу бросил это заня-тие и приблизился к убитой, стараясь не наступать на едва-едва подсохшие лужицы крови. Мне сохранить в чистоте туфли оказалось куда сложнее, ну да я особо по этому поводу и не переживал.

- Помогай! – скомандовал приятелю, наклонился и ухватил покойницу под руки.

Алекс взялся за лодыжки; мы подняли тело из лужи крови и переложили его на брезент. Бриг немедленно убежал на кухню мыть руки; я же вытащил из кармана серебряную гильотину

для сигар. Сдвинул ползунок и – кляц! – из боковины выскочил клинок с загнутым под стать кошащему когтю кончиком и покрытым мелкими неровными зубцами лезвием.

Острием я подцепил сбоку корсет убитой и одним уверенным движением распорол его. После избавил покойницу от чулок и кинул обрезки к остальной одежде.

– Сумочки нигде нет, но нашел трусики! – оповестил меня сбежавший по лестнице мэр. Он остановился в дверях гостиной и удивленно спросил: – Что вы делаете?

– Решаем ваши проблемы, – спокойно объявил я, забрал порванные черные трусики и кинул их поверх распоротых чулок. – А вы берите автомобиль и отправляйтесь к подруге. И не переодевайтесь. В дом вы не заходили, сразу прошли в гараж и уехали. Все это время катались по ночному городу, поэтому опоздали на встречу. Это ясно?

– Ясно. Но хотелось бы избежать ненужных расспросов...

– Будем надеяться, что расспросов не будет. В крайнем случае вы знаете, что говорить.

– А зачем понадобился реагент?

– Уничтожим следы крови.

– Но паркет будет испорчен! Нельзя ли обойтись без этого?

– Господин мэр, вам сейчас не о паркете беспокоиться стоит, – поморщился я. – Поспешите, у нас остается не так много времени.

– Надеюсь, картину вы реагентом оттирать не станете? – и не подумал сдвинуться с места Гарольд Ллойд. – Это знаменитая «Утренняя купальщица» Августо Вита! Прошу вас, будь с ней осторожны!

– Дорогая? – обернулся я к забрызганной кровью стене.

– Дело не в цене. Она уникальна! Это последняя работа мастера!

– Хорошо. Ее реагентом оттирать не станем.

Мэра эти слова не особо воодушевили, и он явно хотел раскритиковать мою манеру вести дела, но сдержался и отправился в гараж; на смену ему с кухни вернулся медиатор.

– Что дальше? – спросил Алекс.

– Реагент, – распорядился я, – залей им кровь.

– А протирать чем? Нужны тряпки...

– Просто вылей этой драный реагент на пол! – рявкнул я, а когда медиатор послушался и по комнате распространилась едкая алхимическая вонь, принялся заматывать покойницу в брезент. Завернул тело, кое-как стянул сверток веревкой и позвал партнера: – Алекс!

Медиатор отставил пустую канистру и повернулся ко мне:

– Да?

– На кухне есть хранилище?

– Есть.

– Тогда потащили.

– Ты хочешь сунуть тело в хранилище?! – опешил Алекс. – Оно не влезет!

– Не говори глупостей! – рыкнул я. – Помогай!

Мы подхватили сверток и уволокли его на кухню. Бриг распахнул полированную дверцу вертикального металлического ящика, встроенного в стену; я начал запихивать тело в серое марево безвременья, но труп вскоре уперся в заднюю стенку. О том, чтобы затолкать сверток в хранилище полностью, не могло быть и речи.

– Я же говорил: не влезет! – укорил меня Алекс.

– Перестань, – поморщился я и взглянул на хронометр. – На теле должны остаться следы *вечности*. В таких случаях расследование автоматически отходит специальному дивизиону, и если твой друг Гарри озабочится моим восстановлением на службе, это дело заберу себе я.

– Умно, – оценил задумку Алекс.

– Где твой автомобиль?

– Оставил на улице.

– Подгони машину к окну.

Медиатор убежал, я вернулся в гостиную, взял полную канистру с алхимическим реагентом и щедро полил забрызганную кровью стену. Затем обдал остатками едкой жидкости мебель, собрал одежду покойницы и вернулся на кухню.

Бриг уже маячил за окном. Я распахнул раму и передал ему мусорный пакет с вещами убитой.

– Кинь на заднее сиденье, – попросил медиатора, потом аккуратно извлек из хранилища брезентовый сверток, перевалил его через подоконник и спросил: – Сам справишься?

– Да, – просипел Алекс, принимая тело.

Отпустив брезент, я вернулся в гостиную и внимательно оглядел учиненный разгром. Убедился, что ничего важного не упустил, пошарил по карманам плаща и только вытащил коробок спичек, как в дом через заднюю дверь забежал Алекс Бриг.

– Собираешься курить на месте преступления? – припомнил он мне собственные слова.

– Нет, – хмыкнул я, чиркнул спичкой о коробок и кинул ее на залитый алхимическим реагентом пол.

На паркете взвились высокие языки бесцветного пламени, и Алекс резво отпрыгнул к двери.

– Сдурел? – взвыл он.

– Не знаешь, особняк застрахован? – поинтересовался я, спокойно наблюдая за разгорающимся пожаром.

– Идем отсюда! – дернул Алекс меня на выход. – Да быстрее ты!

Мы выскочили из дома и погрузились в машину, но стоило медиатору вывернуть со двора на улицу, я попросил его:

– Остановись напротив.

– Зачем? – удивился Бриг.

– Надо.

– У нас труп на заднем сиденье! – возмутился медиатор. – Через десять минут здесь будет не протолкнуться от полицейских!

– Тогда припаркуйся немного дальше.

– Ты псих, Виктор! – заявил Алекс, но все же съехал с проезжей части и остановил автомобиль у соседнего особняка, чьи окна были закрыты ставнями. Глушить движок, в котором так и подрагивала подстегнутая алхимическим реагентом *сущность*, он не стал и повернулся ко мне: – Сжечь дом мэра, подумать только! Как я ему это объясню? А? Как? Да он мне всю душу вынет! И тебе заодно.

Я опустил боковое окно, закурил и выдохнул дым на улицу.

– Лучше лишиться дома, чем должности, – спокойно произнес я, делая новую затяжку. – Соври о случайной искре. Не мне тебя учить.

– Но зачем?! На кой черт тебе понадобилось поджигать дом?

– Никак иначе следы преступления было не зачистить.

– Нет тела, нет дела! – прямо заявил Алекс Бриг.

– Ошибаешься, – покачал я головой. – Лужа крови на полу, разбрызганные по стене мозги... Если об этом пронюхают газетчики, скандала не избежать. К тому же сумочка покойницы наверняка где-то в доме. – Я посмотрел окна, подсвеченные заревом разгоревшегося пожара, и добавил: – Была.

– Мы бы все убрали! У меня есть надежные люди, которые не станут задавать вопросов! Это все решаемо, Виктор! Тебе ли не знать?

– Все решаемо при наличии неограниченного времени. У нас свободного времени нет. – Я последний раз затянулся и вдавил сигарету в пепельницу. – Глупо пускать ситуацию на самотек, когда можно просто позвонить в ближайший участок и сообщить о выстреле в доме мэра.

– Черт! – выругался медиатор. – Об этом я не подумал.

– А стоило бы. И стоило бы подумать дважды, прежде чем выдергивать друга в новогоднюю ночь из-за праздничного стола.

– Ты играл в карты! – легко срезал меня Алекс. – С двумя гангстерами и газетчиком! Виктор, не капай мне на мозги!

– Без обид, но компания Сола Когана, Поля Лимана и Кая Дворкина устает меня куда больше, нежели твоя и мертвой девки на заднем сиденье!

Бриг только пожал плечами и забарабанил пальцами по обтянутому кожей рулевому колесу.

– Звонок Гарри застал меня на семейном празднике. Дети, супруга, ее родственники, мои родственники. – Он уставился куда-то вдаль и вдруг усмехнулся: – Знаешь, провести новогоднюю ночь с тобой и мертвой девкой на заднем сиденье не такая уж плохая идея.

Мы помолчали, потом Алекс спросил:

– Так чего мы ждем?

– Уже дождались, – указал я на медленно катившую по улице патрульную машину.

В этот момент стекло в панорамном окне гостиной особняка мэра лопнуло, и наружу вырвались длинные языки пламени и клубы черного дыма. На крыше полицейского автомобиля немедленно засверкали проблесковые маячки, и он с ревом пронесся мимо нас. Затем послышался визг покрышек, патрульные выскочили и бросились к объезжаемому огнем дому напрямик через газон.

Я отметил в блокноте время прибытия наряда, записал регистрационный номер машины и попросил Алекса:

– Поехали отсюда. Надо избавиться от тела.

Глава 1

Снег обманчив. Выпадая, он дарит совершенно иррациональную надежду на то, что город наконец-то вырвался из бесконечной осени, но проходит день-другой – и с неба вновь начинает сыпаться мелкий противный дождь.

«По сути, от снега одна только грязь. Грязь и обманутые надежды», – так думал я, стоя на крыльце полицейского управления.

Впрочем, то же самое можно сказать и о нашей работе. Грязь и обманутые надежды.

Я последний раз затянулся и выкинул окуроч в урну, но входить в здание не стал. Вместо этого достал портсигар и снова закурил. Во рту стояла нестерпимая горечь табака, но курение позволяло хоть как-то успокоить расшалившиеся нервы.

Мимо спешили коллеги, изредка кто-то из знакомых кивал на ходу, большинство торопливо пробегало мимо; подойти и поздороваться не решился ни один.

Оно и понятно – обстоятельства моего отстранения от службы были таковы, что предсказать, чем именно закончится внутреннее расследование, не мог никто. Вот и шарахаются, будто от чумного. Не страшно. Скоро все закончится.

Я задрал рукав плаща, взглянул на серебряный хронометр и кивнул. Совсем скоро.

Заседание дисциплинарной комиссии было назначено на полдень, обе стрелки уже почти вплотную подобрались к золотистой циферке «двенадцать», но подниматься к капитану я не спешил, стоял на крыльце и курил.

Меня оправдают – в этом сомневаться не приходилось; да я и не сомневался. Просто душу точило сомнение, стоило ли плясать под чужую дудку и скрывать следы преступления. Пусть я и повидал немало смертей, но убийство молоденькой девчонки неожиданно сильно зацепило за живое. Почему ее застрелили? Зачем? Неужели лишь для того, чтобы подставить мэра? Или все не так просто?

Быть может, зря я ему поверил? Но нет – все указывало на то, что Гарольд Ллойд к убийству отношения не имеет. По крайней мере, мне очень хотелось в это верить. От мысли, что я покрываю убийцу, делалось откровенно не по себе.

Поэтому я и стоял на крыльце, курил и собирался с духом. Пусть и раньше оказывал нужным людям разного рода услуги, но ощущать себя продажным полицейским было чертовски неприятно. Будто в грязи извалялся. Грязь, кругом одна грязь.

Снег растает, грязь останется.

Я раздраженно выкинул окуроч в урну, в очередной раз взглянул на часы и распахнул входную дверь. Спокойно миновал дежурного, прошел мимо толпившихся перед лифтами коллег и свернул к лестнице.

В отстранении от службы был один несомненный плюс – вновь появилось время на посещение боксерского клуба, поэтому на восьмой этаж я поднялся, ни капельки не запыхавшись.

– Виктор Грай! – всплеснула руками при моем появлении секретарша капитана. – Ты совсем забыл про нас, плохой мальчик!

– Тебя невозможно забыть, Белла, – улыбнулся я, снял плащ и убрал его на стоявшую в углу вешалку, сверху накинул шляпу. – Меня уже ждут?

– Вызовут, – сообщила секретарша и оправила кофточку с провокационно расстегнутой верхней пуговкой. – Ты и в самом деле вспоминал обо мне? – обворожительно улыбнулась она.

Встав у зеркала, я достал расческу, пригладил растрепавшиеся волосы и подтвердил:

– Ежечасно.

– Гадкий лгунишка, – обиделась Белла.

Портить отношения с дамочкой, державшей в ежовых рукавицах канцелярию полицейского управления, было совсем не с руки, но изнутри будто что-то подтолкнуло. Я обернулся, скользнул взглядом по пышному бюсту секретарши и улыбнулся.

– Чистая правда! И эта расстегнутая пуговка... Если расстегнешь вторую, я не сдержусь и наброшусь на тебя прямо здесь...

Белла от такого заявления ничуть не смутилась, а если ее щеки и тронул румянец, то его с легкостью скрыл яркий макияж.

– Овладеешь прямо на столе? – с придыханием спросила она.

– Именно.

Секретарша задумчиво прищурилась, провела по верхней губе кончиком языка и вдруг выдала:

– Виктор! Для человека, вызванного на заседание дисциплинарной комиссии, ты слишком... уверен в себе. Неужели результат известен заранее?

Вот и флиртуй после этого с крокодилом! Зарекался ведь...

От необходимости отвечать избавил задребезжавший телефон. Белла подняла трубку, выслушала сообщение и ответила:

– Да, он здесь, – потом прикрыла ладонью микрофон и негромко произнесла: – Проходи. Я кивнул и уверенно распахнул дверь.

– Разрешите? – проформы ради поинтересовался, уже переступив через порог.

– Присаживайся! – пробурчал капитан. Массивным сложением и густыми усищами он напоминал раздраженного всем и вся моржа.

– Благодарю, – кивнул я, опустился на отставленный в сторону стул и улыбнулся членам дисциплинарной комиссии. – Добрый день, дамы и господа.

Вообще, дама здесь присутствовала только одна.

Аманда Грант смерила меня безразличным взглядом и вернулась к изучению подшитых в папку бумаг. С коротко стриженными каштановыми волосами и худенькой, почти мальчишеской фигурой, она напоминала серую мышку, но недооценивать первую женщину, назначенную на должность заместителя городского прокурора, точно не стоило.

Проглотит и не подавится.

И не только она. Неразлучная парочка детективов дивизиона внутренних расследований, Шульц и Шульц, давно точили на меня зуб и с превеликим удовольствием засадили бы за решетку. Но сейчас от их мнения ничего не зависело, поэтому выглядели они, будто два кладбищенских падалыщика на кремации.

– Здравствуй, Виктор, – единственный ответил на приветствие Ян Навин.

На днях его утвердили в должности главы специального дивизиона, и присутствовал он сегодня здесь в роли моего непосредственного руководителя. Честно говоря, я и сам рассчитывал на это место, но в обиде на него не был. Так карты легли, ничего не попишешь. А человек он неплохой.

Правда, не без странностей – в своем приталенном светлом пиджаке, будто намеренно подобранном к замшевой перчатке на правой руке, он смотрелся на фоне коллег форменной белой вороной. Розовая сорочка и перламутрового отлива галстук тоже дорогого стоили.

– Может, приступим? – прервала затянувшееся молчание Аманда Грант.

Капитан откашлялся и кивнул:

– Приступим, – потом зачем-то передвинул несколько лежавших перед собой бумаг, снова откашлялся и объявил: – Виктор! Рассмотрев все обстоятельства дела, комиссия пришла к выводу, что твои действия укладываются в рамки закона и полностью соответствуют служебной этике. Ты восстановлен на службе с сегодняшнего дня. Господа...

Шульц и Шульц выскочили из кабинета чуть ли не опрометью; Ян Навин протянул мне левую руку и улыбнулся.

– Поздравляю!

– И тебя, – пожал я его ладонь, – с назначением...

Ян кивнул и предупредил:

– Ночное дежурство твое.

– Вот так сразу?

– У нас аврал.

– С чего это?

– Газеты читать надо, – посоветовал Навин и отправился на выход, но его неожиданно окликнула заместитель прокурора.

– Дивизионный комиссар! – произнесла Аманда Грант. – У нас осталось одно незаконченное дело...

Навин взглянул на часы и предложил:

– Обсудим его за обедом?

– Превосходно!

Они вышли в приемную, тогда я повернулся к капитану и спросил:

– И что теперь?

– Виктор, я отношусь к тебе как к сыну, – вздохнул шеф, – но считаю, что с твоим восстановлением стоило бы повременить. Полицейские не любят, когда убивают своих.

– В чем тогда дело?

– На меня надавили из мэрии, – нахмурился капитан, взял химический карандаш и повертел его в пальцах.

– Вы ведь не думаете, будто я...

– Нет! – отмахнулся шеф. – Уверен, тебе бы хватило ума не связываться с делом, которое потребовали тебе поручить...

– Какое еще дело? – насторожился я.

– Убийство, – вздохнул капитан, снял трубку с телефонного аппарата и три раза крутанул диск. – Раевски уже подошел? – спросил он у секретарши, выслушал ответ и распорядился: – Пусть зайдет.

Миг спустя распахнулась дверь, и к нам присоединился Филипп Раевски – высоченный широкоплечий детектив дивизиона по борьбе с организованной преступностью, не так давно назначенный на должность инспектора криминальной полиции.

Мы поздоровались, и капитан попросил:

– Введи Виктора в курс дела.

Филипп уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

– Шарлотта Ли, восемнадцати лет отроду, была убита выстрелом в голову из крупнокалиберного штуцера в ночь с тридцать первого на первое. Точное время смерти не установлено, последний раз ее видели незадолго до часа ночи, когда она уходила с новогодней вечеринки. Место преступления неизвестно, тело было обнаружено в нашем морге.

– Прости? – произнес я, поскольку должен был это произнести.

– Тело обнаружено в морге при полицейском управлении, однако никаких записей о том, кто и откуда его доставил, нет.

– Бардак! – выругался капитан.

– Бардак, – согласился я, хотя считал идею оставить убитую в морге если не гениальной, то очень близкой к тому. – Но это не объясняет, почему расследование отходит специальному дивизиону.

– Помимо алкоголя и кокаина в крови обнаружены остаточные следы вечности, – пояснил Филипп.

– Понятно, – кивнул я, перевел взгляд на капитана и уже на полном серьезе спросил: – Если я правильно вас понял, расследование взяла под контроль мэрия. Почему?

- Советник Ли, – скривился шеф. – Убитая – его племянница.
- Вот как? – неприятно поразился я.

Вильям Ли являлся ближайшим сподвижником мэра и по уровню влияния в городском совете мог поспорить с советником Гардиным, не говоря уже о проигравшем минувшие выборы Ланфорде. С учетом этого обстоятельства браться за расследование подобного преступления и в самом деле было в высшей степени опрометчиво. Имейся у меня выбор...

Но выбора не было.

– Я же говорил, – вздохнул капитан, – расследование предстоит не из приятных, но на него просили поставить именно тебя.

– Предполагалось, что это будет совместное расследование, – напомнил Филипп Раевски.

– Это совместное расследование, – подтвердил шеф, – но старший – специальный комиссар Грай. А теперь идите и найдите убийцу, прежде чем о подробностях пронюхают газетчики! Вперед!

Мы вышли в приемную, и там я спросил у Филиппа:

– Ты ведь не сам будешь вести это дело?

– Нет, разумеется. Пришлю к тебе детектива со всеми материалами, – пообещал инспектор и отправился по делам.

Я снял с вешалки плащ и перекинул его через руку, а секретарша шефа откинулась в кресле и завела руки за голову.

– Так тебя можно поздравить, Виктор? – очаровательно улыбнулась она.

– Можно, – подтвердил я и выскочил в коридор, прежде чем мне припомнили сгоряча сказанные перед заседанием комиссии слова.

На туго обтягивавшей бюст секретарши кофточке теперь были расстегнуты две пуговицы, и не могу сказать, будто это зрелище оставило меня совсем уж безучастным. Скорее наоборот...

В рабочем кабинете за прошедшие два месяца ничего особо не изменилось. Все та же пара столов с пишущими машинками и телефонными аппаратами, вешалки, оружейный шкафчик. Разве что слишком чисто, и папки с делами на подоконнике больше не возвышаются.

Все верно – Ян Навин перебрался в кабинет дивизионного комиссара, а на его место пока никого не приняли.

Кинув плащ на спинку стула для посетителей, я закурил, сделал несколько глубоких затяжек, стряхнул пепел в пепельницу и выдвинул нижний ящик стола. Выставил перед собой коробку с набором для снятия отпечатков пальцев, обработал невесомым порошком стреляную гильзу из штуцера мэра и без особого удивления убедился, что убийца не забыл ее протереть. Второй патрон так же оказался без единого отпечатка.

Досадно, но ожидаемо.

Гильзу я сунул в бумажный конверт для улик, смазал клапан канцелярским клеем, запечатал и кинул в верхний ящик стола. Хотел кинуть туда же и патрон, но передумал и убрал его обратно в карман. Толку от него – ноль.

Потом развернул свежий номер «Осеннего вестника» и первым делом просмотрел криминальную хронику, но ничего из ряда вон там не обнаружил. Передовица была посвящена грядущим выборам городского прокурора, и лишь на второй полосе отыскалось нечто интересное.

«Убийцы в белых халатах», – гласил броский заголовок статьи о скандале в медицинской академии города Ангелов. Два профессора и добрый десяток младших научных сотрудников подозревались в организации целого ряда похищений и заказных убийств.

Впрочем, на мой взгляд, газетчики в очередной раз делали из мухи слона. Формально опыты на *тронутых* не противоречили действующему законодательству, тем более что медики пытались отыскать способ возвращения их к нормальной жизни.

Эскулапы прокололись в другом – для экспериментов им требовались люди, лишь недавно подвергшиеся воздействию Вечности, и они не нашли ничего лучше, как обратиться за помощью к гангстерам. А те с присущей им предприимчивостью создали настоящий конвейер по организации несчастных случаев, на чем и погорели.

Глупость и жадность – и не более, но теперь специальный дивизион в полном составе проверяет медицинские учреждения города на предмет аналогичных нарушений. Смысла в этом никакого, но начальству, как обычно, видней...

Тут задребезжал телефонный аппарат, я снял трубку и привычно произнес:

- Специальный комиссар Грай на линии.
- Это Ян, – отозвался Навин. – Твой значок в канцелярии, заberi.
- Хорошо. Револьвер – в оружейной комнате?
- Да, – произнес дивизионный комиссар и отключился.

Я кинул трубку на рычажки и вновь достал портсигар, но закуривать не стал, вместо этого взял линейку и химический карандаш. Начал отменять четверть длины от фильтра, и тут в кабинет заглянул детектив, весь какой-то взъерошенный и не выспавшийся.

- Комиссар Грай? – уточнил он. – Можно?
- Проходите, – разрешил я, озадаченно разглядывая посетителя.

Высокий, слегка сутулый, с трехдневной щетиной и неровно подстриженными усами. На вид – лет тридцати. Костюм поношенный, сорочка плохо выглажена, узел на галстуке засален, словно его как один раз затанули, так больше и не развязывали. Встретишь такого на улице – внимания не обратишь.

– Алан Портер, – представился детектив, протягивая руку, и зачем-то добавил: – Портер, как пиво...

Я приподнялся со стула, отвечая на рукопожатие, и спросил:

- Чем обязан?
- Дело Шарлотты Ли, – пояснил Алан. – Я веду его.
- И как успехи?

Портер выложил на стол тоненькую папку и передвинул ее мне, сам уселся на стул.

- Это все, что удалось собрать за сегодняшнее утро, – сообщил он.

Я открыл скоросшиватель, мельком просмотрел первый лист и уточнил:

- Тело опознали только вчера вечером?
- Да, – подтвердил Алан. – По большому счету, кроме имени и причины смерти у нас ничего нет. Ни орудия убийства, ни места преступления, ни свидетелей, ни мотивов. Ничего.
- Что с кокаином?
- С кокаином все непросто, – вздохнул Портер и подсказал: – Вторая страница.
- Уже экспертизу волос провели? – удивился я.
- Объявлять наркоманкой племянницу члена городского совета чревато серьезными неприятностями, – усмехнулся Алан. – Эксперты работали всю ночь.

Я кивнул и откинулся на спинку кресла:

– Получается, Шарлотта не употребляла кокаин... на регулярной основе. Что нам это дает?

- Ровным счетом ничего. Разумеется, ее могли накачать алкоголем и наркотиками, но...
- Но на новогодних вечеринках чего только не случается, – закончил я мысль детектива. –

Вот и девственницей она не была...

- Еще один факт, который просили не афишировать.

– Разумеется! – поморщился я, закрыл папку и вернул ее Алану. – Известно, куда она отправилась после новогодней вечеринки?

– Нет. Но на квартиру Шарлотта больше не возвращалась, – сообщил Портер и, в свою очередь, спросил: – Как думаешь, откуда взялись следы вечности?

– Возможно, ее держали в хранилище, – ответил я и вновь взялся за линейку и карандаш.

Алан какое-то время молча наблюдал за моими манипуляциями, потом не выдержал и спросил:

– Могу поинтересоваться, что ты делаешь?

– Слишком много курю, – пояснил я. – Решил себя ограничить.

– А просто курить реже?

Я кинул карандаш и линейку в ящик, закрыл портсигар и спрятал его во внутренний карман пиджака.

– Не вариант.

– Как скажешь.

– Какие были планы на сегодня?

– Сейчас еду переговорить с родителями, заодно осмотрю комнату, – ответил Алан. –

Ты со мной?

– Конечно! А что с друзьями и персоналом с новогодней вечеринки?

– Вызваны на три часа.

– Отлично. – Я поднялся из-за стола, но тут задребезжал телефонный аппарат. – Специальный комиссар Грай на линии...

– Привет, Виктор, – послышался в трубке голос Алекса Брига. – Надо поговорить.

– Сейчас не могу.

– Уж постарайся выкроить время.

– У меня расследование.

– Ну так и я тебя не из-за пустяков отвлекаю. Подъезжай в «Гранд».

– Нет! – отказался я ехать в ресторан. – Встретимся в «Чернильнице», – глянул на хронометр и решил: – через десять минут.

– Упрямый осел! – выругался Бриг и кинул трубку.

А я посмотрел на Алана и развел руками:

– Извини, дела. Поговори с родителями сам, к трем я уже вернусь.

– Не проблема, – не стал Портер делать из мухи слона, забрал папку и отправился на выезд.

Я вслед за новоявленным напарником покинул кабинет и запер дверь. Для начала спустился в канцелярию и получил там служебный значок, затем заглянул в оружейную комнату. Неизменно сонный сержант выдал табельный револьвер и дюжину патронов; я расписался в замусоленном журнале, отошел к тянувшейся вдоль стены полке и откинул барабан револьвера. Самыми кончиками пальцев выудил патрон, аккуратно опустил в камору, тряхнул занемевшей с непривычки кистью и повторил операцию – раз, другой, третий...

От близости заточенных в мельхиоровые гильзы сущностей заломило ладонь, но стоило только защелкнуть барабан, как неприятные ощущения прошли сами собой. Кобуру из дома я прихватить не догадался, поэтому попросту сунул револьвер в правый карман пиджака, снаряженный второй полудюжиной патронов увесистый спидлоадер – по сути, тот же самый барабан – убрал в левый и отправился на встречу с медиатором.

На улице к этому времени заметно потеплело, и выпавший за ночь снежок большей частью уже превратился в грязную кашу, но теплое дыхание по-прежнему вырывалось изо рта белыми облачками пара, а гулявший меж высотками пронзительный ветерок так и норовил забраться под пиджак. Пока шел до «Чернильницы», даже пожалел, что оставил плащ в управлении.

Когда я зашел в кафе, Алекс Бриг сидел за угловым столиком, лениво ковырял вилкой салат и с унылым видом поглядывал в окно. Я выложил шляпу на угол стола, уселся напротив и попросил официантку принести двойной капучино и яичницу с беконом.

– И это твой обед? – удивился медиатор.

– Еще не завтракал, – ответил я, расстегивая пиджак.

– Испортишь желудок.

– Ты о моем здоровье пришел поговорить?

– Нет, поздравить с восстановлением на службе.

Я достал портсигар и усмехнулся:

– Приятно осознавать, что наш мэр оказался порядочным человеком и сдержал слово. – Я закурил, выдохнул дым и спросил: – Он сильно расстроился из-за пожара?

– Тебе лучше не знать, – поморщился Алекс, с раздражением отодвинув от себя тарелку. – И на это я променял обед в «Гранде»? – горестно вздохнул он.

– Как выкрутился?

– С пожаром-то? – уточнил медиатор, дождался, пока отойдет принеся мой заказ официантка, и пожал плечами: – Алхимический реагент, испарение, звонок в дверь, искра, воспламенение. Мы с тобой чуть не сгорели, друг мой. Мы – герои.

– Складная байка.

– Это чистая правда, Виктор, – мрачно уставился на меня Бриг. – Это даже больше, чем правда, это непреложная истина. Не забывай об этом.

– Не забуду.

Алекс поправил золотой зажим галстука, повертел шеей и скривился, будто раздраженный излишне жестким воротничком. Но причина для недовольства у медиатора была совсем иная.

– Гарри хочет их достать, – объявил вдруг он.

– Что, прости? – не понял я и отложил сигарету на пепельницу.

– Он хочет выяснить, кто именно вознамерился спихнуть его с трона, – пояснил Бриг. – Ты ведь не думаешь, что девочку оставили в его доме случайно?

– Ни в коем случае.

– Одним ударом кто-то хотел вывести из игры мэра и его ближайшего соратника, – продолжил Алекс. – Связь мэра с несовершеннолетней племянницей советника! Газетчики закатали бы настоящую истерику о падении нравов.

– Шарлотте восемнадцать, – поправил я медиатора, приглядевшись к недокуренной до конца сигарете и затушил ее о пепельницу.

– Бросаешь? – догадался Алекс, заметив прочерченную карандашом черту.

– Ограничиваю себя.

– Это дело, – одобрительно кивнул Бриг и вернулся к убийству: – Восемнадцать Шарлотте исполнилось на днях, а тема нравственности сейчас чрезвычайно актуальна. Сначала выборы мэра с публичным перетряхиванием грязного белья, теперь на очереди – назначение городского прокурора...

– Ты ведь понимаешь, что по *объективным*, – тоном выделил я последнее слово, – обстоятельствам до суда дело мы довести не сможем. Скажи, что ты понимаешь это, Алекс!

Бриг насупился, но сбить себя с толку не дал.

– Никто ничего не говорит о суде. Ты просто должен отыскать эту подколенную змею.

– Должен? – приподнял я одну бровь. – Я оставил за собой право заняться этим делом, но не давал никаких обязательств.

– Гарри считает иначе.

– И ты не стал его в этом заблуждении разубеждать?

– Не стал.

– Подхалим.

– Политик. С чего планируешь начать?

Я отставил на край стола пустую тарелку, пригубил кофе и пожал плечами:

– С чего обычно начинается любое расследование? Как сказал бы мой нынешний шеф, *cui prodest*?

– Кому выгодно? – задумчиво протянул Бриг. – Видишь ли, Виктор, политика – дело грязное, очень многие заинтересованы в отставке мэра.

– Отставке мэра и дискредитации вероятного фаворита на досрочных выборах.

– К чему ты ведешь?

– Занять пост мэра реально могут рассчитывать только советники Гардин и Ланфорд.

Алекс понимающе усмехнулся.

– Тебе бы хотелось, чтобы убийцей оказался Гардин? – поддел меня он.

Советник Гардин был той еще сволочью, и у него имелся очень весомый повод влезть в кресло мэра помимо власти, которую дает этот пост. Поэтому я лишь усмехнулся и ничего говорить не стал.

– Нам понадобятся неоспоримые доказательства, – заявил медиатор, строго глянул на меня и предупредил: – Пусть до суда дело и не дойдет, но одних голословных обвинений будет недостаточно.

– Приложу все усилия, – осклабился я в ответ.

– Рассмотрим и другие возможности, – счел нужным напомнить Алекс Бриг.

– Я же профессионал!

– На это и рассчитываю. – Медиатор достал из бумажника пятерку и кинул ее перед собой, но подниматься из-за стола не стал. – А теперь о хорошем, – произнес вдруг он.

– А есть и хорошее?

– Твой несостоявшийся тесть предложил конвертировать комиссионные платежи в недвижимость.

– Что он пытается нам впарить? – поморщился я. Не так давно мы с Алексом организовали Томасу Соркину одну весьма выгодную сделку, в ответ тот обязался проводить платежи по ней через нашу контору. И вот двух месяцев не прошло, как ушлый промышленник пытается пересмотреть условия сотрудничества.

– Он предлагает нам одну из фабрик.

– Надеюсь, ты отказался?

– Ее реальную стоимость мы комиссией и за четверть века не перекроем.

– Она не стоит ничего! Ты хоть представляешь, как загажены вечностью производственные цеха?

Основным сырьем на заводах являлась обогащенная вечность, а ее отходы были не только токсичны, но и накапливались и пропитывали собой все вокруг. Насколько мне было известно, Томас Соркин не имел обыкновения тратить на очистные сооружения.

– Нам хватит и одного административного здания, – отрезал Бриг. – Казино и клуб внизу, лофт-апартаменты наверху, посередине – номера. Мы с тобой озолотимся.

– Сомневаюсь.

– Завтра вечером съездим туда, сам все увидишь.

– Как скажешь, – решил я не спорить с медиатором, отдавая должное его деловой хватке.

– Еще понадобится человек, который не позволит ободрать нас строителям.

– Сол Коган? – навскидку предложил я кандидатуру знакомого гангстера.

– Сгодится, – решил Алекс и поднялся из-за стола. – Ты идешь?

Я нахлобучил шляпу и вслед за приятелем покинул кафе. Рядом немедленно остановился мягко урчащий мощным движком лимузин.

– Тебя подвезти? – предложил Бриг.

– Пройдусь, – отказался я и зашагал по тротуару.

На душе было беспокойно. Даже подумалось вдруг, что оплачиваемый отпуск не такая уж плохая штука по сравнению с предстоящим расследованием.

Впрочем, теперь-то что толку сокращаться? Ставки сделаны, ставок больше нет.

В кабинете я первым делом распахнул шкаф с документами и выудил из-за стоявших на полке папок початую бутылку виски. Плеснул немного на донышко кружки, выпил, выдохнул и задумчиво глянул на телефонный аппарат.

Звонить или не звонить? Вот в чем вопрос.

Но выбора особого не было, поэтому я уселся за стол, выложил перед собой блокнот и снял трубку. Привычно набрал знакомый номер, и почти сразу длинные гудки в динамике сменились голосом Филиппа:

– Инспектор Раевски на проводе!

– Привет, Филипп, – произнес я тогда, – есть минутка?

– Слушаю тебя, Виктор.

Я покрутил головой, подбирая слова, потом решил ничего не выдумывать и выложить все как есть.

– Слышал о пожаре в доме мэра? – спросил собеседника.

– Ну? – озадаченно отозвался инспектор.

– Говорят, это был поджог.

– И?

– Мэр в бешенстве.

– Виктор, к чему ты клонишь? – тяжело вздохнул Раевски.

– Меня попросили неофициально покопаться в этом деле.

– Так ты теперь работаешь на мэрию?

– Полагаешь, в моем положении подобную просьбу можно проигнорировать?

Инспектор подавился смехом и уже на полном серьезе спросил:

– Что ты хочешь?

– По моим данным, первой на пожар приехала патрульная машина... – Я нашел переписанный в блокнот номер, продиктовал его инспектору и уточнил: – Правильно?

– Так и есть, – подтвердил Филипп. – Сержант Сэм Варниц и патрульный Грег Брод. Это они вызвали пожарную команду.

– Так понимаю, это дело на контроле не у меня одного? – ехидно поинтересовался я.

Раевски на подначку никак не прореагировал.

– Хочешь с ними поговорить? – уточнил он.

– Было бы неплохо, – подтвердил я. – Пришлешь их ко мне?

– Не проблема.

– Да, кстати, а что они вообще там делали?

– Патрулировали район.

– На постоянной основе?

– Да, эта машина приписана к Старому Берегу.

– Понятно. Так я их жду?

– Будь на месте, сегодня после смены зайдут.

Я положил трубку и только переписал в блокнот имена полицейских, как в кабинет заглянул Алан Портер.

– Собираюсь знакомых убитой опрашивать, ты идешь?

– Да, разумеется. Одну минуту!

Сделав звонок в пожарную инспекцию, я попросил прислать мне копию отчета о пожаре в доме мэра, затем прихватил с собой блокнот и вышел в коридор.

– Как съездил? – спросил у детектива, запирая дверь:

– Никак, – поморщился в ответ Алан.

– Серьезно? – удивился я, обернувшись к напарнику.

Выглядел тот, надо сказать, еще потрепанней и пришибленней, чем утром.

– Для родителей она до сих пор маленькая девочка, – вздохнул Портер, направляясь к лифту. – Поверить не могли, что их ангелочек уже интересовалась мальчиками. Твердили об изнасиловании.

– Ты в это не веришь?

– В это не верит коронер, – резонно заметил Алан.

– Аргумент, – признал я. – А дневник? У каждой уважающей себя девушки должен быть дневник.

– Пустышка, – вздохнул Портер. – Забросила его год назад, сразу после поступления в университет. Ничего полезного, но можешь посмотреть, если есть желание.

– Больше года дневник не вела? Досадно.

Мы спустились на третий этаж и прошли в комнату для допросов. Там Портер попросил дежурного:

– Запускайте по списку! – потом уточнил у стенографистки: – Вы готовы?

– Да, – ответила дамочка средних лет, подравнивая стопку чистых листов писчей бумаги.

Первой дежурный завел девицу с выбивавшимися из-под модной шляпки локонами черных волос, покрасневшими глазами, потеками туши на лице и припухшим носиком.

– Можно воды? – сразу попросила она.

– Разумеется, – разрешил Алан и наполнил стакан.

Девчонка вцепилась в него, будто в спасательный круг, и я обратил внимание, сколь сильно дрожат у нее руки.

Похмельный тремор? Ох уж эта золотая молодежь...

– Жанна Риг? – уточнил Портер, делая отметку в своем списке.

– Да, – подтвердила девушка, отставив ополовиненный стакан.

– Вы хорошо знали Шарлотту Ли?

– Чарли была моей лучшей подругой.

– Чарли? – озадачился я.

– Так звали ее друзья, – пояснила Жанна.

Алан сделал у себя еще одну отметку и продолжил расспросы:

– Жанна, когда вы видели ее последний раз?

– На вечеринке. Она ушла сразу после двенадцати.

– Одна?

– Да.

– Ночью? – удивился я.

– Сказала, что ее ждет машина, хотя я не помню, чтобы она вызывала такси.

– Вот как? – вновь перехватил инициативу Алан. – А Шарлотта не сказала, куда собирается?

– Нет.

– А вы спрашивали?

– Спрашивала, – подтвердила девушка и шмыгнула носом. – Чарли только отшутилась, что скоро все об этом узнают. Мы даже немного повздорили. В последнее время она стала не такой открытой, как раньше.

Портер кинул на меня многозначительный взгляд и уточнил:

– Вы не знаете, с чем это было связано?

– Полагаю, у нее появился мужчина, – предположила Жанна, покраснела, но все же продолжила: – Женатый мужчина...

– Не знаете, кто бы это мог быть? – ухватился я за ниточку.

– Нет, – ответила девушка, но как-то не совсем уверенно.

– Никаких предположений? – почувствовав недосказанность, надавил на свидетельницу

Портер. – Быть может, есть какие-то догадки?

– Нет.

– Как давно начались изменения? – тогда поинтересовался я, решив вернуться к этому вопросу немного позже.

Жанна лишь пожала плечами.

– Точно не помню, – покачала она головой.

– А если подумать?

Девушка насупилась, явно собираясь сказать, будто не помнит, но неожиданно встрепенулась.

– В конце ноября или начале декабря, – произнесла Жанна, нервно теребя платочек. – Да! Именно! В начале прошлого месяца Чарли перекрасилась в блондинку.

– Быть может, ей просто захотелось? – предположил Портер.

– Просто захотелось? Вы не знаете ее родителей!

Какое-то время мы еще пытались вытянуть из Жанны подробности, но больше ничего полезного та сообщить нам не смогла. Твердила о примерке нового платья, походе в кино, потекшей ручке и прочей ерунде, коей запомнился ей последний день с подружкой, а под конец окончательно расклеилась, беспрестанно шмыгала носом, терла платочком глаза и хваталась за стакан с водой.

– Жанна, – мягко произнес я, устав от слез, – у Шарлотты были враги? Кто-то мог желать ей смерти?

– Нет, – категорично мотнула головой девушка, зябко поежилась и закусила губу. – Нет, ее все любили.

– Быть может, она с кем-то ссорилась, – тут же подхватил мою мысль Алан, – плохо о ком-то отзывалась? Вы ведь были подругами...

– Ее парень, – выдала вдруг Жанна.

– Парень? – переспросил Портер.

– Бывший парень. Они расстались еще осенью, но он не давал ей проходу.

– Как его зовут? Где живет? – зачастил Алан. – Он был на вечеринке?

Девушка озадаченно захлопала глазами, потом покачала головой:

– Нет, Валентина не приглашали.

– Валентин, а фамилия? – поторопил Жанну мой напарник.

– Не помню, но у меня записано. – Девица раскрыла выставленную на стол сумочку, достала записную книжку и, отыскав нужную страницу, прочитала: – Валентин Лански, домашний телефон...

– Вы позволите? – Алан забрал у нее блокнот и переписал телефонный номер. – Спасибо!

– На этом все, – улыбнулся я тогда Жанне, – но вам придется немного подождать, пока не напечатают протокол. – Я вызвал дежурного и предупредил: – Следующего свидетеля запустите через пять минут.

– Думаешь, она могла предупредить его? – удивился Портер, когда девушку вывели за дверь.

– Лучше подстраховаться, – решил я. – Алан, выясни адрес и пошли за этим Валентином машину, – потом попросил стенографистку: – Отнесите протокол машинистке и сразу возвращайтесь. – Я достал визитку, написал на ней свой домашний телефонный номер и вышел в комнату ожидания.

– Жанна, – склонился я к ссутулившейся девушке, – если вы что-нибудь вспомните, сразу звоните. Поверьте, для расследования важна любая информация. Особенно о человеке, с кото-

рым встречалась Шарлотта. Возможно, именно он причастен к ее гибели. Подумайте об этом. Насчет огласки не беспокойтесь, мы сможем поговорить наедине, без свидетелей. Без протокола.

Девушка какое-то время смотрела на протянутую визитку, затем приняла ее и спрятала в сумочку.

– Я позвоню, – пообещала она и скрестила руки, пытаясь сдержать бившую ее дрожь. – Если что-нибудь вспомню...

– Шарлотта была вашей подругой. Ее убийца не должен остаться безнаказанным, – напомнил я и ушел в комнату для допросов.

Вскоре вернулись Алан Портер и стенографистка, и мы продолжили опрашивать приглашенную на вечеринку молодежь. Гуляла на новогоднем празднике компания человек в тридцать, но никто не знал, куда Шарлотта собиралась после вечеринки, не провожал ее до машины и не видел, чтобы это делал кто-то другой.

Затем мы побеседовали с обслуживающим персоналом и приглашенными музыкантами, но лишь впустую потратили свое время.

Никто ничего не видел, не слышал, не знал. Все как всегда.

Сделав небольшой перерыв, приступили к опросу друзей и знакомых Шарлотты, ее университетских одноклассников, но ничего полезного не добились и от них. О разрыве с прежним воздыхателем знали все, о новом – даже слухов не ходило. И это было просто удивительно: юные девицы – те еще сплетницы, и перипетии личной жизни подруги просто не могли не привлечь их внимания.

– Ни у кого ни судимостей, ни приводов, – сообщил Алан Портер, когда мы закончили, и принялся массировать виски. – Даже с травкой не попадались.

– Это еще ни о чем не говорит, – вздохнул я. – Золотая молодежь, у каждого – по персональному адвокату.

Алан кивнул, соглашаясь с моими словами, и спросил:

– Как выстроим беседу с бывшим дружкой?

– Надави на него, – предложил я.

Детектив удивился:

– Почему я?

– Ты большой, небритый и мрачный. Тебя он воспримет всерьез. И не спрашивай – зачем, спрашивай – где. В отношении самого факта сомнений быть не должно.

– Как скажешь, – кивнул Алан.

Я налил себе воды и выпил; от бесконечных разговоров пересохло в горле.

Тут приоткрылась дверь, и к нам заглянул дежурный.

– Привезли Лански, – сообщил он. – Заводить?

– Давайте.

Двое дюжих патрульных завели внутрь худощавого паренька, усадили его на стул и встали по бокам.

– Свободны, господа, – отпустил я их.

– Что происходит? – потребовал объяснений Валентин, нервно сцепив тонкие пальцы.

В глаза мне бросились усыпанные бриллиантами запонки, да и костюм был приобретен точно не в магазине готового платья, а шелковый галстук стоил никак не меньше двух сотен.

– Что вы на меня смотрите?! – сорвался на крик Лански, не дождавшись ответа, и повторил: – Что происходит?!

Алан Портер молча поднялся из-за стола, зашел пареньку за спину и вдруг прорычал:

– Где ты убил Шарлотту?

– Что?! – Лански вскинулся, но тотчас плюхнулся обратно, когда ему на плечо легла тяжелая рука детектива.

– Где ты ее убил? – повторил Портер вопрос.

– Я никого не убивал! – тоненько взвизгнул Валентин.

– Рассказывай! – осклабился Алан. – Нам все известно!

– Мне нужен адвокат! – неожиданно выдал Лански. – Мой отец юрист, я знаю свои права!

Я едва удержался от того, чтобы не прищелкнуть пальцами. Лански! Ну конечно же!

Юридическое бюро «Лански, Гор и партнеры».

Портер реплику паренька проигнорировал, склонился к нему и прямо в ухо проорал:

– У тебя нет никаких прав!

Валентин брезгливо поморщился, но не произнес ни слова.

– Алан, – негромко произнес я, – не дави на него, присаживайся.

– В самом деле? – удивился Портер.

– Садись, – подтвердил я и спросил: – Валентин, как давно ты знаком с Шарлоттой Ли?

– Мне нужен адвокат, – заявил в ответ паренек. – Я знаю свои права, мне нужен адвокат.

Я ничего не буду говорить без своего адвоката!

– Никто тебя ни в чем не обвиняет. Произошло небольшое недоразумение.

– Мне нужен адвокат.

Захотелось, подойти и отвесить ему подзатыльник, но я сдержался и вместо этого спокойно улыбнулся:

– Если ты не начнешь отвечать на вопросы, мы задержим тебя и объявим главным подозреваемым в убийстве Шарлотты. Да, все это шито белыми нитками и любой мало-мальски опытный адвокат легко добьется твоего освобождения под залог, а дело за неимением улик рассыплется само собой, но советник Ли вряд ли будет спокойно смотреть, как убийца его племянницы спокойно разгуливает на свободе. Не сможет добиться уголовного преследования – раздавит с помощью общественного мнения.

– Я ее не убивал! – выкрикнул Валентин. – Не убивал, ясно вам?

– Ты ее любил? – спросил Алан.

– Да!

– Она тебя бросила?

– И что с того?

– Вы с ней ссорились, и ты продолжал ее преследовать?

– Я хотел ее вернуть!

– Разозлился и убил в припадке ярости, – попытожил Портер. – Непредумышленное убийство на почве страсти, получишь лет десять, выйдешь через пять.

– Зачем вы это говорите? – паренька передернуло от омерзения. – Зачем вы все так извращаете?

– Где ты был во время убийства, Валентин? – спросил я тогда.

– Не знаю, – пожал плечами подозреваемый. – На приеме у Бартонов, наверное. А какое именно время вас интересует?

– С полуночи до восьми утра первого числа, – подсказал я, намеренно очертив большой интервал времени, чем требовалось.

– До шести утра мы были на приеме, потом поехали домой.

– Ты был с родителями? – вновь взял Алан подозреваемого в оборот.

– Да.

– Никуда не отлучался?

– Нет.

– Кто это может подтвердить?

– Да кто угодно! Мои родители, Бартоны, шофер...

Алан выдернул из стопки писчей бумаги чистый лист и придвинул его и карандаш к пареньку.

– Пиши.

Валентин принялся перечислять имена; я какое-то время наблюдал за ним, потом спросил:

– Как давно ты знаешь Шарлотту?

– С первого курса.

– Год?

– Полтора.

– Ты ее хорошо знал?

Валентин оторвался от листа, с подозрением глянул на меня и осторожно подтвердил:

– Достаточно.

– Вы были близки?

Лицо паренька налилось краской, он стрельнул глазами в сторону стенографистки и выдавил из себя:

– Нет, – и сразу перешел в наступление: – К чему эти вопросы?!

Я только пожал плечами.

– Мы просто беседуем. Так почему вы расстались?

– Это была не моя идея, – пробурчал Валентин, дописал имена и вернул листок.

– У Шарлотты появился кто-то другой?

– Я не знаю!

– Вы поэтому расстались?

– Я не знаю!

– Но тогда почему?

– Не знаю!

– Валентин, ты меня разочаровываешь, – мягко произнес я. – Утверждаешь, будто любил Шарлотту, но не хочешь помочь нам отыскать убийцу. Как так?

– Вы думаете, это я ее убил!

– Если не ты, то кто? – хмыкнул Алан.

– Я ничего не знаю!

– Почему вы расстались? – вновь спросил я.

Валентин обреченно вздохнул и ссутулился.

– У Шарлотты появился кто-то другой, – глухо признал он.

– Кто?

– Не знаю, она не говорила.

– Ты не пытался проследить за ней? – удивился Портер.

Паренек глянул на детектива, будто первый раз увидел, и, не скрывая презрения, выдал:

– Отношения должны быть основаны на доверии!

– Все так, – кивнул я, – но ты точно не знаешь, кто именно вскружил ей голову?

– Думаю, кто-то много старше ее, – вздохнул Валентин.

– Почему ты так решил?

– Когда мы расставались, Шарлотта сказала, что ей нужен кто-то более зрелый. Более опытный. За кем она сможет чувствовать себя, как за каменной стеной.

– Имени не назвала?

– Нет.

– Когда ты последний раз видел Шарлотту? – спросил я, решив завершать допрос.

– Не помню, – поежился паренек. – Она меня избегала.

– Примерно.

– В конце семестра, – неуверенно произнес Валентин.

– Даже не поздравил с праздниками? – удивился Алан.

– Я пытался! Хотел увидеть ее. Подарок приготовил! Позвонил, предложил встретиться, но она отказалась. Сказала, что у нее примерка платья. Примерка платья, подумать только!

– Когда это было?

– Тридцать первого.

– Больше ты с ней не разговаривал?

– Нет.

Я вызвал караульного и велел отвести паренька в дежурную часть. Потом спросил у Алана:

– Проверишь его алиби? Мне надо разобраться с бумагами.

– Не вопрос, – согласился взять это на себя Портер. – Так думаешь, это не он?

– Думаю, нет, – вздохнул я.

– Знаешь, – произнес вдруг детектив, – мы совершенно упускаем тот факт, что тело было обнаружено в морге! Надо опросить санитаров и помощников coronera, вдруг кто-то поможет установить место преступления. Не могло же тело взяться из воздуха!

– Вот и займись этим. И заодно проверь таксомоторные парки. Вдруг Шарлотта все же уехала на такси.

Алан досадливо поморщился.

– Инициатива наказуема, так? – спросил он, не скрывая раздражения.

– Воистину так! – похлопал я детектива по плечу и вышел в коридор.

После душевной комнаты для допросов невыносимо разболелась голова, захотелось просто развалиться в кресле и перевести дух, но сначала пришлось зайти в дежурную часть, где меня дождался пакет из пожарной инспекции, а когда я поднялся на седьмой этаж, у двери кабинета уже маячили двое полицейских в форме. Оба подтянутые, высоченные, плечистые, словно только-только сошедшие с рекламного плаката.

Один из них снял с головы фуражку и уточнил:

– Специальный комиссар Грай?

– Он самый, – кивнул я.

– Сержант Сэм Варниц, патрульный Грег Брод, – представился бугай с сержантскими нашивками. – Инспектор сказал, вы хотели нас видеть.

– Хотел. Проходите.

Я отпер дверь и первым зашел в кабинет. Уселся за стол, жестом пригласил полицейских присаживаться и принялся просматривать содержимое переданного из пожарной инспекции пакета.

– Слушаем вас, комиссар, – не выдержал Варниц. – О чем вы хотели поговорить?

– О пожаре, – подсказал я. – О пожаре в доме мэра. Вы ведь первыми там оказались, не так ли?

Сержант нахмурил лоб и пробурчал:

– Мы уже разговаривали с пожарным инспектором и парнями из дивизиона алхимической безопасности...

– Ну а теперь поговорите со мной.

– Нас в чем-то подозревают? – разнервничался Брод.

– А есть в чем? – спросил я, не дождался ответа и вздохнул: – Никто вас ни в чем не подозревает, но поджог дома мэра наделал много шума, поэтому меня попросили неофициально взять расследование под свой контроль.

– Поджог? – озадачился сержант Варниц. – Нам ничего об этом не известно!

– В одной из комнат были обнаружены следы алхимического реагента, – поведал я. – Так что это был поджог, никаких сомнений.

– Мы ничего об этом не знаем.

– Как вы вообще там оказались?

– Патрулировали район, – пояснил сержант, – получили вызов от диспетчера о возможном выстреле, а когда приехали, дом мэра уже горел.

– Получается, вы просто оказались ближе всех к этому месту?

– А разве непонятно? – вырвалось у патрульного.

Сержант ожег его недобрым взглядом и подтвердил:

– Да! Мы просто оказались ближе всех.

– Что вам сообщил дежурный? – уточнил я.

– Было сообщение о шуме по этому адресу. Кому-то почудился выстрел. Скорее всего, это была петарда, но ехать в любом случае пришлось.

– Звонивший представился?

– Мне об этом ничего не известно.

– Видели кого-нибудь в округе? Прохожих, подозрительные машины?

– Нет.

– Понятно. – Я пожал плечами и отпустил полицейских: – Что ж, можете быть свободны.

Громилы поднялись на ноги, нахлобучили фуражки и отправились восвояси.

Я какое-то время задумчиво вертел в руках карандаш, потом кинул на его стол и помассировал подушечками пальцев сомкнутые веки.

Сержант был спокоен как удав, а вот его напарник откровенно нервничал.

Почему? Из-за одного лишь внимания старшего по званию, или ему есть что скрывать? Непонятно. Но в любом случае связывать эту парочку с убийством Шарлотты нет никаких оснований; их автомобиль и в самом деле мог просто оказаться ближе других.

Я позвонил в дежурную часть и попросил поднять журнал регистрации. Как и предполагал, сообщение о шуме в доме мэра оказалось анонимным, более того – на момент звонка мы с Алексом уже давно находились внутри.

Звонил убийца – сомнений в этом быть не могло. Но вот замешан ли в преступлении экипаж патрульной машины?

Вовсе не факт. На самом деле лишние свидетели преступнику ни к чему. «Анонимный звонок с легкостью привлёк внимание полиции к дому мэра», – решил я, и тут под ногами дрогнул пол. Задребезжали оконные стекла, посыпалась с потолка пыль, принялась раскачиваться люстра.

Я передвинул к себе телефон, намереваясь позвонить дежурному и выяснить, что стряслось, но только крутанул диск аппарата, как по этажу прокатился пронзительный гудок тревожной сигнализации.

Мешкать не стал – подскочил к оружейному шкафчику, отпер его и достал винтовку. Взвел пружину, предназначенную после каждого выстрела проворачивать массивный барабан, и вытащил тяжеленную сумку с запасным боекомплектом. На всякий случай заглянул внутрь – во всех гнездах двух толстенных металлических блинов серебрились донца нестреляных патронов, линии пентаграмм в штатном режиме светились едва заметным сиянием.

Закинув на плечо ремень сумки, я с винтовкой наперевес метнулся из кабинета. Обгоняя встревоженных сослуживцев, сбежал по лестнице на первый этаж, выскочил на служебную парковку и сразу заметил Яна Навина, распределявшего подчиненных по машинам.

– Виктор! Едешь со мной! – приказал дивизионный комиссар и указал на ближайший патрульный автомобиль. – Быстрее!

Мы погрузились на заднее сиденье, и водитель утопил педаль газа, впрыскивая в движок алхимический реагент. Сущность взревела, машина резко сорвалась с места и стремительно вылетела на проезжую часть.

– Что происходит? – спросил я, заметив, как вслед за нами выворачивают со стоянки фургоны дивизиона алхимической безопасности – один, другой, третий.

– Взрыв на стройке, – объяснил Ян, стягивая пиджак. – Поступил сигнал о прорыве безвременья.

– Seriously? – удивился я. – Что же там могло так рвануть?

– Не знаю, – пожал плечами дивизионный комиссар, даже не пытаясь придумать правдоподобного объяснения происходящему.

– Обычная стройка? Откуда там прорыв?

Навин прицепил на пояс чехол со служебным ножом, проверил револьвер и лишь после этого соизволил сообщить:

– Возводят очередную высотку. Представляешь, на какую глубину уходят сваи? Если взрывом полностью разворотило фундамент...

– Внизу, случаем, не линия подземки проходит?

– Нет, иначе строительство бы не согласовали.

– Тогда все это неспроста.

Вечность окружала города со всех сторон, но технологии защиты были давно отработаны до совершенства, и обычный взрыв никак не мог послужить причиной прорыва безвременья. Сбой мог произойти лишь из-за чьего-то намеренного вмешательства.

– Бомбисты? – предположил я.

– Возможно, – поморщился Навин. – Но что им делать на стройке?

Послышался вой сирен, водитель сильнее надавил на педаль газа и вывернул руль. Машина выскочила на полосу встречного движения, обогнала пожарный автомобиль и сразу юркнула обратно. Я глянул в лобовое стекло и увидел, как по направлению движения над крышами домов поднимаются к небу клубы серого дыма.

– Подъезжаем, – предупредил нас полицейский водитель и сбросил скорость, тормозя перед оцеплением.

Мы выбрались из машины, и в нос сразу ударила резкая вонь алхимических реагентов, хлора, сероводорода и еще чего-то даже более отвратительного. На глаза навернулись слезы, я прикрыл низ лица шляпой и попытался оценить обстановку, но клубившийся по земле едкий черный дым почти полностью перекрывал обзор. Видно было лишь поваленную при взрыве ограду стройки, да груды развалин, оставшихся от возводимого здания.

Всюду стояли пожарные машины; взмыленные огнеборцы качали помпы, пытаясь залить реагентами расплывшееся от руин безвременье, но напор Вечности был слишком силен, и люди шаг за шагом пятились и отступали.

– Комиссар! – подскочил к нам лейтенант дивизиона алхимической безопасности. Он сорвал с лица резиновую маску с запотевшими окулярами, жадно глотнул воздух и вытер раскрасневшееся лицо. – Комиссар, мы долго не продержимся!

– Что происходит? – потребовал объяснений Ян Навин.

– Слишком интенсивный напор, реагенты на исходе, а новые машины только выезжают со станции!

– В чем проблема?

– Мешают обломки, мы не можем подобраться к провалу, чтобы заблокировать его!

– Вот черт! – выругался я, сразу сообразив, чем закончится дело.

– Мы можем помочь? – спросил Ян.

– Нужно подорвать развалины, но мои люди до них просто не дойдут.

– Хорошо, сделаем, – пообещал Навин, подскочил к затормозившей поблизости машине и принялся отдавать распоряжения сотрудникам специального дивизиона.

Лейтенант с облегчением перевел дух и махнул рукой подчиненному:

– Тащи сюда!

Я расстегнул пиджак, аккуратно свернул его и убрал на сиденье. Кинул сверху галстук и шагнул навстречу спешившему к автомобилю Навину.

- Ты с ума сошел, – перехватив его, я указал на руины, – туда лезть?
- Успокойся!
- Что значит – успокойся? Это самоубийство!
- Прекрати истерику, Виктор! – потребовал Ян, вслед за мной избавляясь от пиджака.
- Выслужиться за чужой счет хочешь?
- Сам пойду.
- Псих!
- Приказывать не стану, не хочешь – не иди.
- Вечно все через задницу! – выдохнул я, перекинул через плечо ремень сумки с запасным боекомплектom и проверил барабанный карабин. – Господи, почему это не случилось вчера?!
- Хватит ныть! – одернул меня дивизионный комиссар. – У меня есть план!
- Этого я и боялся...

Навин только отмахнулся, распахнул багажник полицейского автомобиля и вытащил оттуда обшитый брезентом чемодан. Аккуратно выложил его на пыльный асфальт, откинул крышку, и я даже охнул от удивления.

Пара баллонов, ремни, гофрированный шланг с форсункой, убранный в отдельную нишу жестянка с керосином. Огнемёт!

- Ты возишь с собой огнемёт?! – опешил я.
- Жизнь нынче беспокойная, – констатировал Ян, сноровисто подгоняя под себя сбрую.
- Аккуратней с керосином, – предупредил я, когда он затянул ремни и вынул из ящика жестяную банку с выпуклыми алхимическими формулами на боках.

Три унции керосина – это немало; в случае нарушения герметичности жажнет так, что нас с асфальта сметать придется. Керосин наряду с бензином – один из наиболее нестабильных реагентов, и в качестве катализатора вызывает незамедлительное воспламенение большинства созданных с помощью алхимии материалов.

Ян уверенным движением подсоединил жестянку к огнемёту и ухмыльнулся:

- То, что баллоны наполнены концентрированной вечностью, тебя не беспокоит?
 - Состояние твоего психического здоровья меня беспокоит, – пробурчал я в ответ.
 - Виктор, да что с тобой такое? Мне позвать кого-то другого?
 - Забудь. – Я повернулся к лейтенанту дивизиона алхимической безопасности, который принимал у подчиненного увесистый ранец. – Что там у вас?
 - Галлон чистого бензина.
 - Что надо делать?
 - Доставьте на место, выставьте таймер и убирайтесь оттуда.
 - Как у вас все просто, – хмыкнул я, продевая руки в лямки ранца.
- Навин моего пессимизма не разделял и только деловито поинтересовался:
- На сколько рассчитан таймер?
 - Максимум на пять минут, – проинформировал нас лейтенант и забеспокоился: – Точно успеете выбраться?

– Легко, – сходу отмел Навин его сомнения.

Того уверенный тон несколько не убедил. Меня тоже.

Проклятье!

Я прекрасно знал, сколь своеобразно начинает течь время при прорывах Вечности. Бездушному механизму хоть бы что – тикает себе и тикает, а человек залипает, будто муравей в сосновой смоле, и способен простоять в полной неподвижности хоть месяц, хоть два, при этом, по его внутренним ощущениям, пройдет лишь краткий миг.

Впрочем, в специальный дивизион берут лишь полицейских с талантом противостоять безвременью. Растворенное в нашей крови время позволяет беспрепятственно перемещаться в Вечности и не поддаваться ментальному воздействию обитавших в ней сущностей.

– Внимание! Прикрывайте нас! – отдал Ян команду подчиненным, нацепил на лицо защитные очки и первым двинулся к затянутым едким дымом руинам. – Виктор, стреляй только в крайнем случае, береги патроны.

– Понял, – отозвался я и поспешил следом. Ступил в пенившийся на асфальте алхимический реагент и мысленно попрощался с почти новыми туфлями. Быстро перепрыгнул на поваленное дощатое ограждение стройплощадки, глянул на Яна и только сейчас обратил внимание, что тот невесть когда успел натянуть поверх модных полуботинок резиновые калоши.

И непонятно с чего эта мелочь враз вывела из себя. Всколыхнулась злость, задергалось левое веко, перехватило дыхание. Стало очень-очень плохо, мерзко и гадко. Захотелось кого-нибудь убить.

– Виктор? – обернулся ко мне Навин.

Я убрал палец со спускового крючка и растянул губы в механической улыбке:

– Зацепило.

– Соберись! – потребовал дивизионный комиссар.

– Отстань! – отмахнулся я и с болью в сердце ступил с доски прямиком в раскисшую глину стройплощадки.

И сразу – тьма и тишина. Будто ушел под воду с мешком на голове.

Тьма и тишина.

Миг спустя сквозь толщу безвременья вновь прорвались отблески проблесковых маячков и вой сирен; сердце зашлось в безумном стуке, и в такт пульсу, как в мельтешении стробоскопа, принялись сменять друг друга свет и тьма, крики и тишина. А потом по крови растеклось мое собственное время, я окончательно провалился в другой мир, и голову заполнили призрачные шепотки.

Голоса, голоса, голоса. Безмолвные голоса обитавших в Вечности сущностей. Именно сущности завладели сейчас этим местом, именно они представляли настоящую опасность. Подобно кружащим в толще воды акулам, эти создания жаждали только одного – ворваться в человеческое тело и перекроить его под себя.

Провалишься в Вечность – назад уже не вернешься; вернется завладевшая твоим созданием тварь. А успеют вовремя выдернуть – тоже хорошего мало: обычно шок оказывался слишком силен и люди превращались в *тронутых*. В бедолаг, навсегда застрявших между жизнью и смертью, навсегда потерявшихся в заполнившем голову безвременье.

Но мы-то – другое дело...

Я оскалился, переборол накатившую апатию и шагнул вперед.

Окружающая действительность превратилась в статическую картинку удивительно четкого фотоснимка; дым неподвижным облаком замер над землей, языки пламени венчали руины жуткой оранжевой короной, и возникло даже ощущение, будто все это – лишь ширма, скрывающая гигантский часовой механизм, в котором кончился завод.

– Прорыв сильнее, чем я думал! – крикнул Ян, настороженно продвигаясь к завалу. – До окраины рукой подать, но все равно так быть не должно!

– Не отвлекайся, – потребовал я, озираясь по сторонам.

Неким противоестественным образом стройплощадка увеличилась в размерах, дальние края ее терялись в сером мареве, и на эту туманную дымку власть безвременья уже не распространялась, она беспрестанно колыхалась, плыла, меняла очертания. И потому помешала вовремя заметить медленно дрейфовавшее в нашу сторону нечто, лишь самую малость более материальное, чем дым.

За спиной приглушенно хлопнуло, ослепительным росчерком пронзила пространство винтовочная пуля, но сил разогнавшей ее сущности, заточенной в патроне, надолго не хватило, и остроконечный кусочек серебра впустую завис среди столь же неподвижных клубов дыма.

– Ян! – окликнул я дивизионного комиссара.

– Вижу, – отозвался тот, направил раструб огнемёта в сторону плившего к нам марева и открыл вентиль. Из форсунки вырвалась струя бесцветного пламени, жгучая смесь обогащенной вечности и керосина окатила сущность и в мгновение ока спалила ее дотла.

В лицо повеяло нестерпимым жаром; я прикрыл глаза ладонью и едва не пропустил движение у перевернутого строительного крана. Но не пропустил – и когда обитатель Вечности бросился в атаку, поймал его на мушку и потянул спусковой крючок.

Серебряная пуля перехватила сущность в прыжке; взведенная пружина с мягким клацаньем провернула барабан, и я выстрелил второй раз, хотя этого, в общем-то, и не требовалось – первое попадание разметало нематериальное создание в клочья.

– Идем! – позвал меня Ян, заворачивая вентиль.

Мы двинулись дальше, но теперь то и дело приходилось перебираться через поваленные бетонные сваи и выжигать скопления слишком уж уплотнившейся Вечности. Голоса в голове звучали все отчетливей, и даже начало казаться, будто они звучат вовсе не в голове, будто призрачный хор завывает где-то внизу, там, откуда в город течет безвременье.

В аду? Черт! Какая только чушь в голову не лезет...

Навин, судя по всему, тоже ощущал некую неправильность. Движения дивизионного комиссара становились все более нервными и резкими; он откровенно спешил и расходовал горючую смесь огнемёта там, где без этого вполне можно было обойтись.

– Быстрее! – заторопился Ян, стоило мне остановиться, разглядывая покосившийся штабель пустых поддонов. – Виктор!

– Иду! – отозвался я, но только двинулся к нему, как от досок отлипла плоская чернильная тень.

Я выстрелил; серебряный комочек угодил в центр человекоподобной фигуры, вырвал клоч призрачной плоти, расплескал его беспросветно-черными брызгами, но движение сущности не остановил. Барабан провернулся, сразу грохнул второй выстрел. И – промах! Тварь стремительно скакнула вперед, пуля впустую прошла над ней и засела в поддоне.

Убегать я не стал, тратить последний патрон – тоже. Просто шагнул навстречу и встретил сущность резким взмахом служебного ножа. Клинок с зеркальным алхимическим покрытием прошел через порождение Вечности без малейшего сопротивления, и оно распалось на две неровных части. На миг замерло в воздухе, затем растеклось по земле и зашипело, разъедавая подошвы туфель.

Вновь взревел огнемёт; я развернулся и увидел, как к нам мчится объятая пламенем фигура, по земле за которой тянулись отметины огненных следов. Я быстро перехватил болтавшийся на ремне карабин, вскинул его и скомандовал Яну:

– В сторону!

Тот послушно шагнул вбок, струя огнемёта качнулась, мазнула по деревянным поддонам и воспламенила их, прежде чем Навин успел перекрыть вентиль. Взметнулось пламя, накатила резкая вонь алхимических реагентов, и все же я не сдвинулся с места, выгадывая нужный момент. Сгоравшая сущность распласталась в неразличимом глазу прыжке, но вырвавшаяся из граненого ствола пуля отбросила ее на пару шагов назад, а миг спустя тварь взорвалась, расплескавшись бесцветным жидким пламенем.

– Быстрее! – крикнул Ян, рукавом вытирая перепачканные гарью и сажей очки.

Земля под ногами тряслась все сильнее и сильнее, из глубины к нам рвалось нечто абсолютно чуждое этому миру, и, тем не менее, торопиться я не стал, вместо этого спокойно опустился на одно колено и расстегнул сумку с запасным боекомплектom.

Без винтовки нам здесь долго не продержаться; револьверы в безвременье почти полностью бесполезны – поражающими элементами в маломощных патронах выступали не серебряные пули, а сами заточенные в них сущности. Стрельнешь в Вечности – вмиг развеются.

– Нельзя терять время! – заорал на меня Навин.

Я только отмахнулся, избавляясь от стреляных гильз. После выдернул из гнезда запасного пентакля новый патрон, и остроконечная серебряная пуля засияла маленьким рукотворным солнцем. Вставил его в камору, провернул барабан, и только взялся за следующий, как по руке начало расходиться противоестественное оцепенение, а пальцы пронзило острой болью. Но ничего, справлюсь...

– Виктор, быстрее!

– Отстань! – раздраженно рыкнул я, задвинул шторку барабана и, взведя пружину, поднялся с колен. – Давай за мной! – крикнул Яну и первым побежал к развалинам.

Обогнув объятые огнем поддоны, мы перебрались через бетонные обломки, и сверху немедленно спикировала затаившаяся среди покосившихся свай сущность. Вскинув винтовку, я сбил ее в прыжке, а когда покотившаяся по земле тварь поднялась на ноги, на всякий случай вlepил в нее еще пару пуль.

– Быстрее! – вновь поторопил меня Навин. – Быстрее! – Он до упора вывернул кран огнемёта и направил струю огня на пролом, в котором клубилась серая хмарь безвременья. – Туда!

Скинув ранец, я вытащил из него жестяную канистру, выкрутил прикрепленное на боковину реле и прислонил ее к бетонному обломку неподалеку от пролома.

– Уходим! – тотчас скомандовал Ян и попятился от руин.

Я побежал следом, но обернулся, стоило вздрогнуть под ногами земле. Выжженный напарником провал вновь заволокла серая пелена безвременья, и почудилось, будто из Вечности через него рвется нечто безмерное, то, чему нет места в реальном мире.

– Что за черт? – охнул Навин.

– Бежим! – Я дернул его за собой, и мы бросились прочь. С ходу проскочили догоравшие поддоны, а потом раздался оглушительный треск, резкий толчок в спину сшиб с ног, и мы кубарем покатались по земле.

Я обернулся. Руины зашевелились, посыпались обломками, заскрежетали перекрученным железом.

– Пять минут – слишком много, – заявил вдруг Ян. – Безвременье прорвется раньше.

– Беги.

– Что?!

– Беги, – повторил я, поднимаясь с земли, и подтянул к себе карабин.

– Ох, черт... – охнул Навин, вскочил на ноги и бросился наутек.

А я спокойно прицелился в жестяную канистру с галлоном чистого бензина и потянул спусковой крючок. Приклад толкнулся в плечо, полыхнула серебристая вспышка, и поначалу даже показалось, будто я промахнулся, но миг спустя взрывная волна подхватила меня и отшвырнула прочь.

Четверть часа спустя я сидел на подножке патрульного автомобиля и наблюдал, как бойцы дивизиона алхимической безопасности заливают реагентами оставшийся от развалин котлован. Полыхни такое количество бензина в реальном мире, от нас с Яном только пепел бы и остался, но у безвременья свои законы, и взрыв оказался не столь силен. На то и был расчет.

Я вытянул ноги, оглядел вымаранные в глине и масляных пятнах брюки, но вслух выражать свое недовольство не стал. Просто затянулся табачным дымом и покосился на перепачканного с головы до ног Яна, который сидел рядом.

– Ну и сильно тебе галоши помогли? – с усмешкой поинтересовался у него.

Навин приложился к серебряной фляжке и запустил руку в мой портсигар.

– Бросаешь? – уточнил он, заметив карандашные отметины.

– Один-один, – хрипло рассмеялся я, забрал фляжку и глотнул обжигающе крепкого абсента.

– Нет, жизнь все же – хорошая штука, – глубокомысленно заметил Ян, закуривая. Потом посмотрел на безнадежно испорченную сорочку и брюки и добавил: – Несмотря на...

– Бывает...

– Выпьем вечером? – предложил дивизионный комиссар, но сразу махнул рукой: – А, ты ж дежуришь!

– Шеф приехал, – подсказал я и не остался в долгу: – Лучше в ночь дежурить, чем на ковре отдуваться...

– Да ну тебя, – скривился посмурневший Навин, поднялся с подножки и приказал водителю: – Отвези комиссара в управление и возвращайся.

Я последний раз хлебнул абсента, вернул фляжку хозяину и уселся на пассажирское место. Водитель повернул ключ в замке зажигания, по корпусу автомобиля пробежала короткая дрожь, но алхимические формулы удержали взбодренную впрыском реагента сущность, и машина резво покатила по дороге.

На парковке я выбрался из автомобиля, достал с заднего сиденья пиджак и прошел в управление через служебный ход. Не обращая внимания на удивленные взгляды коллег и посетителей, с невозмутимым видом дождался лифта, поднялся в кабинет и без сил повалился в кресло.

Болело все; такое впечатление, что двенадцать раундов против Эдди Кука продержался. Но ничего не попишешь, такая работа. Бывает.

Я выложил из кармана табельный револьвер, закурил и пододвинул к себе пепельницу. Только выдохнул табачный дым, как задребезжал телефонный аппарат.

– Специальный комиссар Грай на линии.

– Виктор! – послышался в трубке голос владельца ювелирного салона «Двадцать четыре карата» – лысого старикашки с совершенно непроизносимой фамилией. – Уж и не чаял тебя застать!

– Что-то случилось?

– Ты, помнится, интересовался двуствольным пистолетом...

И в самом деле – интересовался. У револьверов был один существенный недостаток: к ним подходили лишь маломощные патроны с ослабленными сущностями, которые не могли разогнать пулю по нарезам ствола. Попытки модернизировать эти боеприпасы предпринимались неоднократно, но либо из-за увеличения барабана оружие получалось слишком громоздким и тяжелым, либо в нем попросту детонировали заряды.

Двуствольные пистолеты оказались компромиссом между многозарядностью и возможностью использовать пулевые патроны, вот только к нам в город их если и завозили, то исключительно контрабандой. И потому в открытую говорить о подобных вещах по служебному телефону не стоило.

– Виктор, ты на линии? Виктор? – зачастил в трубку обеспокоенный моим долгим молчанием ювелир.

– Какое обстоятельство, – произнес я, тщательно подбирая слова, – побудило тебя позвать мне на работу?

– Нужна твоя помощь, – прямо заявил настырный старикан. – Перезвони, как освободишься.

– Хорошо, – сказал я и повесил трубку.

Всем, решительно всем нужна моя помощь.

Кто бы помог мне самому?

Глава 2

Утро – это ритуал.

Первая сигарета, первая чашка кофе, порция гренок, свежая газета.

Молочная пелена тумана на улицах, редкие машины и рассвет – осторожный и неторопливый, словно пробирающийся в город вражеский лазутчик.

Утро – это ритуал, и я предпочитал завтракать в одиночестве. Сегодня не получилось.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Виктор? – произнес Сол Коган, расправляясь с яичницей-глазуньей. – Ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Мой тебе совет: не сыпь себе соль на раны, позволь им затянуться.

Я снисходительно посмотрел на коротышку, внешне невзрачного и ничем особо, кроме выпуклости под левой подмышкой, не примечательного, а на деле резкого, будто разряд электролита, и покачал головой:

– Ты меня с кем-то путаешь, Сол.

Гангстер вытер жирные пальцы салфеткой, поправил узел узкого черного галстука и откинулся на спинку стула.

– Чушь собачья! – прямо заявил он в ответ на мое утверждение. – Я тебя лучше родной матери знаю. Сколько лет мы знакомы? Восемь?

– Семь.

С Коганом мы встретились в боксерском зале, когда он был простым уличным костоломом, а я только-только приехал покорять большой город. После наши жизненные пути разошлись, но это не мешало нам находить общий язык.

– Вот видишь! – всплеснул Сол руками.

– Вижу – что? – вздохнул я.

Гангстер подался вперед и понизил голос:

– Давно пора забыть Анну. Все, Виктор, поезд ушел. Прошлого не вернуть.

– Думаешь, я этого не понимаю?

– Понять и принять – разные вещи, – уверил меня Сол и сунул под нос сахарницу, на полированном боку которой кривилось выпуклое отражение. – У тебя при одном ее упоминании лицо таким блаженным становится, смотреть противно. Вот, сам полюбуйся.

– Перестань. – Я забрал сахарницу и поставил ее к солонке. – Обязательно лезть в душу?

Коган оттянул левый рукав и постучал пальцем по наручным часам.

– Сейчас четверть восьмого, – произнес он. – Я лег спать в четыре утра, обычно встаю не раньше десяти, но из уважения к тебе согласился встретиться в столь раннее время. И что я вижу? Ты сидишь и витаешь в облаках!

– Анна тут ни при чем.

– Да брось, у тебя на лице все написано!

Я пожал плечами и про утренний ритуал – первую сигарету, кофе, газету и туман – ничего говорить не стал.

– Прошлого не вернуть, – вновь напомнил Сол. – Она тебя бросила, и даже если попросится обратно, разве ты сможешь ей доверять?

– Не смогу, – признал я, – но доверять и любить – разные вещи.

– Да брось, – махнул рукой Коган и поправил двубортный пиджак, который теперь оттопыривался сбоку совсем уж неприлично. – Хочешь совет?

– Не уверен.

– Сними какую-нибудь красотку и покувыркайся с ней.

– Думаешь, это поможет?

– Нет, – признал Сол, – но ты на следующий деньними другую. А потом еще одну. И уверяю – после третьей горячей штучки все как рукой снимет.

Я закурил и предложил:

– Давай сменим тему.

– Поговорим о политике? – Коган перетянул к себе лежавший передо мной свежий номер «Осеннего вестника» и прочитал передовицу: – «Кандидат на место городского прокурора Саймон Мориц провозгласил войну преступности, коррупции и разврату. Что может противопоставить его программе Аманда Грант?» – Сол какое-то время разглядывал фотографии кандидатов, потом откинул газету и рассмеялся: – Не знаю, будет ли у нового прокурора что-нибудь в штанах, а вот груди у него не будет при любом раскладе.

– Некоторым нравятся худенькие.

– Некоторым и мальчики нравятся, – фыркнул Сол и закурил. – А я люблю, когда есть за что подержаться.

– Рад за тебя. – Я допил кофе, затушил недокуренную сигарету о дно стеклянной пепельницы и объявил: – Алекс Бриг хочет встретиться вечером.

– По поводу?

– Ему пришла гениальная мысль перестроить фабрику в клуб. Хочет организовать там казино.

Гангстер задумался, потом покачал головой.

– Это будет непросто, – вздохнул он. – Не думаю, что удастся протащить новое заведение через комиссию по азартным играм.

– Это не твоя забота.

– Тогда что?

– Нужен человек – присмотреть за подрядчиками.

– С перспективой?..

– Поговори об этом с Бригом. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул гангстер, у которого в последнее время были не самые лучшие отношения с подельниками.

– Говоришь, уже четверть восьмого? – уточнил я и поднялся из-за стола. – Сейчас вернусь.

Я отошел к телефонной кабинке в углу, прикрыл за собой дверцу и, сунув в прорезь аппарата четвертак, по памяти набрал номер ювелирного салона «Двадцать четыре карата». Послушал длинные гудки, достал записную книжку и отыскал рабочий телефон Кая Дворкина.

Несмотря на ранний час, знакомый газетчик уже оказался на месте.

– «Осенний вестник», – сонно пробурчал он в трубку, – криминальная хроника...

– Это Виктор, – представился я.

– О, Виктор! – обрадовался Кай. – Давненько не звонил.

– Дела.

– Сейчас тоже?

– А сам как думаешь?

– Что тебе нужно?

– Можешь сделать подборку по Шарлотте Ли?

Дворкин даже хрюкнул от возмущения:

– Чтоб ты знал, Виктор, я веду криминальный раздел, а не светскую хронику! – но тотчас осекся, сбросил сонливость и вцепился в меня будто клещ: – Подожди, а почему обычное убийство расследует специальный дивизион?

– Я прошу тебя оказать услугу не специальному дивизиону, а лично мне.

– Это будет непросто...

– Вот уж не думаю.

Светской хроникой «Осеннего вестника» заведовала давняя любовница Дворкина, поэтому я нисколько не сомневался в том, что он без проблем получит доступ ко всем имевшимся в редакции материалам по убитой, пусть даже это и будет всего лишь мимолетное упоминание об участии в очередном благотворительном аукционе. Иногда сдвинуть расследование с мертвой точки могут и такие вот мелочи.

– Мне понадобится кое-что взамен! – ожидаемо заявил ушлый газетчик.

– Поговорим об этом после, – отрезал я и утопил рычажок телефонного аппарата. Вставил в прорезь новую монету, вновь позвонил в ювелирный салон, и на этот раз трубку там подняли после первого же гудка. – Это Виктор, – представился тогда.

– Виктор! – обрадовался владелец заведения. – Все в силе?

– Говорите.

– Курьер прибывает «Синим экспрессом». Поезд ожидается ровно в восемь.

– Как я его узнаю?

– Средних лет, клетчатый пиджак, коричневый чемодан на колесиках. Рыжий. Едет в последнем вагоне, – послышалось в ответ. – Это все, что мне сообщили.

– Хорошо, я его встречу, – пообещал я, повесил трубку и покинул кабинку. – Подкинешь до вокзала? – спросил уже расплатившегося за нас Когана.

– Не вопрос.

Сол отправился на улицу; я подхватил со спинки стула плащ, надел шляпу и вышел следом. Но мог и не спешить – Коган остановился у фонарного столба с листовкой Саймона Морица и задумчиво разглядывал физиономию кандидата в прокуроры.

– Весь город загадил, – с отвращением пробормотал он и затушил сигарету о зернистую фотографию.

– Едем! – поторопил я гангстера.

Коган выкинул окурок в урну, отпер стоявший на парковке родстер и уселся за руль. Я забрался на пассажирское место; движок несколько раз чихнул, но вскоре заработал в полную силу, машина вывернула на проезжую часть и помчалась по пустынным улицам. Много времени поездка не заняла, и уже буквально через пару минут впереди замаячили купола городского вокзала.

На привокзальной площади я распрощался с Коганом, накинул плащ и отправился на поиски информационного табло. Выяснил, что «Синий экспресс» из города Ангелов прибывает к первому пути без опоздания, и отошел к газетному киоску купить сигарет. Пока перекладывал их из пачки в портсигар, внимательно оглядел полупустой вестибюль, затем вышел на перрон. Не обнаружил никого подозрительного и там, закурил и расслабленно прислонился к фонарному столбу. А еще – как бы невзначай сунул руку под плащ. Расстегнул пиджак, выдернул хлястик наплечной кобуры и проверил, легко ли выходит из нее «Марли» – мой личный револьвер с длинным трехдюймовым стволом.

Застегиваться не стал. Так спокойней. Когда дело касается больших денег, расслабляться противопоказано.

А деньги на кону стояли немалые. Чемодан с ювелирными украшениями – вещь, за которую убивают без малейших колебаний. Опять же, никто не стал бы просить меня встретить курьера, не имеясь реальных опасений, что тот оказался на прицеле у местных гангстеров.

Обычно я избегал браться за подобные подработки, пусть в них и не было ничего особо предосудительного; отклонил бы и это предложение, но владелец ювелирного салона пообещал в ответ раздобыть двуствольный пистолет под пулевой патрон. На том и сошлись.

Постепенно на платформе собрались встречающие и подкатали свои тележки вокзальные грузчики, поэтому я прошелся по перрону и остановился на самом дальнем краю, неподалеку от тоннеля, уходившего напрямиком в Вечность.

При одном взгляде на провал пробрал до самых костей. Бесцветное тускло-серое марево безвременья, запертого внутри каменного свода стен алхимическими формулами, гипнотизировало и манило безмолвным обещанием раскрыть все тайны мироздания разом. Обещанием, без всякого сомнения, лживым.

Вечность. Это всего лишь Вечность.

Ошивавшийся неподалеку зритель уставился на меня с неприкрытым сомнением; я спокойно глянул на него в ответ, покачал головой и закурил.

Тоннель в Вечность манил самоубийц, как манит мотыльков пламя свечи. Наивным глупцам было невдомек, что прыжок в безвременье оборвет их жизнь несказанно более болезненным образом, нежели классический выстрел в висок или даже петля.

Особам с тонкой душевной организацией, склонным к истерикам и меланхолии, так же не рекомендовалось находиться вблизи грани безвременья. Даже с перрона я ощущал, как Вечность пытается забраться мне в голову, как колючими мурашками разбегаются по затылку звучащие в голове шепотки.

Никто доподлинно не знал, что именно представляла собой окружавшая города материя, а ученые, которые заявляли, будто сумели разгадать главную загадку мироздания, в основе своей делились на тех, кто болезненно жаждал внимания общественности, и тех, кто исчезал, собрав с доверчивых простаков деньги на очередное открытие века.

Я запрокинул голову к сводчатому куполу вокзала, выдохнул струю дыма и ощутил легкую дрожь каменного пола. В следующий миг затянувшая провал тоннеля пелена подернулась рябью, забурилась и вдруг лопнула, пронзенная локомотивом. В один миг экспресс вырвался из небытия и начал замедлять ход. Катились темно-синие вагоны, шипел пар, скрипели тормоза.

Тлеющий огонек сигареты дополз до проведенной на бумаге черты; я завертел головой, выискивая урну, заодно и огляделся. Публика кругом обнаружилась сплошь приличная; никаких подозрительных личностей, оттопыренных пиджаков в белую полоску, аляповатых гетр и броских фетровых шляп.

Поезд окончательно остановился, двери вагонов с тихим лязгом распахнулись, и наружу начали выходить ошарашенные путешествием через Вечность пассажиры.

Курьера я увидел сразу.

Клетчатый пиджак, белая шляпа с невысокой тульей, не по погоде легкие штиблеты и самое главное – огромный коричневый чемодан с золочеными уголками. И да – он был рыжий, огненно-рыжий с морковным оттенком.

Рядом вышагивала высокая стройная дама, вслед которой оборачивались едва ли не все попадавшие навстречу мужчины. Да и женщины, честно говоря, лишь делали вид, будто не замечают приезжую красотку. Не заметить ее было просто-напросто невозможно. Не столько даже из-за широкополой соломенной шляпки, огромных дымчатых очков на пол-лица, яркой помады и кроваво-красного лака на ногтях, сколько по той простой причине, что в городе Осень дамские брючные костюмы почитались верхом неприличия даже среди самых отчаянных суффражисток. Особенно в сочетании с туфлями на высоких шпильках.

Впрочем, мужское внимание в первую очередь привлекал выдающихся размеров бюст.

«Надо взять номер телефона, – мелькнула мысль, – Сол будет счастлив...»

Страхнув невольное оцепенение, я зашагал навстречу курьеру, загородил дорогу и сообщил:

– Меня просили встретить вас.

– Виктор Грай? – уточнил рыжий и протянул руку: – Меня зовут Патрик. – После крепкого рукопожатия он представил спутницу: – Зоя, мой секретарь.

– Очень приятно, – улыбнулся я, слегка прикоснувшись к пальчикам Зои, затянутым в черную кожу перчатки. – Как прошло путешествие?

– Отлично, просто отлично! – рассмеялся Патрик. – Не понимаю, откуда берутся все эти жуткие истории!

– А вас не смущает, что вы провели в поезде сутки, а в реальности не прошло и мгновения?

– Какое мне дело до реальности, Виктор? – отмахнулся курьер и потряхнул запястьем, высвобождая из-под рукава наручные часы. – Но вот стрелки стоит подвести, это вы верно заметили!

Мы сверили время и ушли с перрона. Уже в вестибюле Патрик спросил:

– Вы на машине, Виктор?

– Нет, – качнул я головой, – не вожу.

– Не беда, – ничуть не расстроился такому ответу курьер. – Зоя, дорогуша, найди извозчика, а мы пока выпьем кофе. – Он поморщился и доверительно сообщил: – После той бурды, что давали в поезде, у меня изжога.

Секретарша отправилась выполнять распоряжение, и пусть намеренно она бедрами не виляла, взгляды всех мужчин вне зависимости от возраста и наличия спутницы немедленно прикипели к ней, будто притянутые невидимым магнитом.

– Быть может, не стоит здесь задерживаться? – засомневался я. – Если не ошибаюсь, были опасения, что возникнут известные сложности...

– Нет, что вы, Виктор, никаких сложностей, – уверил меня Патрик, поскреб за ухом и покатил чемодан к вокзальному кафе «Стрелка».

Мне ничего не оставалось, кроме как отправиться следом.

В кафе Патрик заказал тосты, яичницу с беконом, ростбиф, корзину хлеба и блинчики с малиновым джемом. Перехватил мой озадаченный взгляд и сообщил:

– Люблю покушать, есть грех.

Я заказал кофе и закурил, разглядывая с аппетитом завтракавшего курьера, который со своей худощавой физиономией на обжору нисколько не походил.

– Виктор, вы кажетесь удивленным, – на миг оторвался Патрик от еды и промокнул губы салфеткой.

– Обычно люди после поездки в поезде имеют бледный вид.

– В самом деле? – хмыкнул курьер и машинально пробежался пальцами по лежавшим перед ним столовым приборам. – Не замечал за собой ничего подобного.

– Вечность на всех воздействует по-разному.

– Что есть, то есть, – кивнул Патрик, почесав запястье, – но знаете, Виктор, я вовсе не уверен, что можно говорить о какой-то там Вечности. Видите ли, я в нее не верю.

– Серьезно? – опешил я.

– Ну скажите мне, как разумный человек может верить в то, что время – это осязаемая материя? Это же нонсенс! А если природа времени нематериальна, то глупо говорить о том, что здесь время идет, а здесь оно стоит. Время – величина постоянная.

– Что же тогда Вечность? – усмехнулся я и непроизвольно потер нос, в котором засвербело из-за густого аромата одеколона, коим благоухал собеседник.

Курьер расправился с ростбифом, сделал маленький глоток кофе и пододвинул к себе тарелку с блином.

– Время однородно и едино, – заявил он, – разнится лишь субъективное восприятие его человеком. Вот вы спокойно перемещаетесь в так называемой Вечности, а почему?

– Мое внутренне время...

– Ерунда! – отмахнулся Патрик. – Не обижайтесь, но все это – просто чушь собачья. Интеллектуалы, уверяющие, будто человек при рождении получает некий запас персонального времени, ничем не лучше мракобесов, толкующих о душе. Значение имеет лишь воля. Воля

человека. Только от нас самих зависит, замрем ли мы в потоке времени или перемотаем, будто киноленту. Вот так.

– Смелое утверждение, – усмехнулся я. – Не банальное.

– Не согласны?

– Не имею обыкновения спорить о вещах, в которых разбираюсь недостаточно хорошо.

– Вы ли не разбираетесь во времени, специальный комиссар Грай? – улыбнулся Патрик. –

Замшелые теоретики могут сколько угодно протирать штаны в кабинетах, но если кто-то и понимает что-либо в вопросах времени, так это люди вроде вас. Разве нет?

– Стресс, – произнес я в ответ.

– Что, простите? – озадаченно уставился на меня курьер.

– Я не так хорошо, как вам кажется, разбираюсь в вопросах мироздания, но легко определяю, когда человек находится в состоянии стресса. Многословие, тремор, излишнее количество еды. У вас шок, Патрик.

Курьер какое-то время обдумывал услышанное, потом отодвинул от себя тарелку с недоеденным блинчиком и спросил:

– И что вы предлагаете?

– Думаю, капелька бренди и сигарета вам сейчас не повредят.

– Присоединитесь?

– Мне скоро на службу.

Патрик заказал рюмку бренди, одним махом влил в себя крепкий напиток и закурил, но только затянулся и сразу закашлялся.

– В самом деле, стало легче, – сообщил он, вытирая выступившие в уголках глаз слезы.

– Факт, – кивнул я.

Курьер закинул в рот пластинку жевательной резинки и вдруг попросил:

– Не стоит упоминать об этом при Зое, хорошо?

– Как скажете.

Я допил кофе и выложил на край стола пару четвертаков.

– Бросьте! – засуетился курьер. – Я могу позволить себе угостить вас кофе!

– Забудьте, – отмахнулся я.

– Как скажете, – фыркнул Патрик и поднялся навстречу вернувшейся в кафе секретарше: – Все в порядке?

Зоя смерила его взглядом, каким обычно жены награждают вернувшихся домой в легком подпитии супругов, затем посмотрела на пустую рюмку, но ничего по этому поводу говорить не стала и лишь кивнула.

– Тогда не будем задерживать Виктора! – засуетился курьер, но сразу взял себя в руки и попросил Зою: – Рассчитайся, дорогуша! – Сам ухватил ручку чемодана и покатыл его на выход.

Я вышел следом и окинул взглядом привокзальную площадь.

– А знаете, Виктор, – обернулся вдруг Патрик, встав у арендованного автомобиля, – насчет многословия – это вы дали маху. Я всегда любил поговорить. Всегда.

– Пусть так, – пожал я плечами.

Водитель открыл багажник, намереваясь загрузить в него чемодан, и тут мое внимание привлек медленно кативший по площади родстер. Я направился ему навстречу, но только обогнул лимузин, как из насторожившего меня автомобиля выскочил парень с лицом, прикрытым носовым платком. Шляпа была глубоко надвинута на лоб, на виду оставались одни лишь глаза.

– Полиция! – заорал я, откидывая полу плаща, но грабитель и не подумал пуститься наутек. Вместо этого он выпростал из-под куртки обрез двуствольного пистолета и нацелил его на меня.

«Что за черт?» – промелькнула в голове шальная мысль, а вот тело не сплеховало. Я перекувыркнулся через высокий капот лимузина, и сразу гроыхнул оглушительный выстрел. Тяжелая пуля пробила створку и засела в движке; автомобиль вздрогнул и окутался облаком едкого дыма.

Я закашлялся и прикрыл лицо воротником плаща, затем попытался выглянуть из укрытия, но только высунулся с револьвером в руке, как тотчас хлопнул карабин; вдребезги разлетелась простреленная фара, и пришлось юркнуть обратно под прикрытие капота. Лимузин начали прошивать винтовочные пули, машина перекосилась на пробитых колесах, и пусть густые клубы дыма мешали налетчикам прицелиться, но и так риск словить шальную пулю превышал все разумные пределы.

– Патрик! – крикнул я и приготовился перебежать к газетному киоску, но прежде чем успел сорваться с места, где-то неподалеку часто-часто захлопали револьверы. Зазвенело разбитое стекло, лязгнуло железо, а потом раздался насадный вой автомобильного движка и мимо промчался автомобиль. И стрельба сразу смолкла.

Вот черт! Где же Патрик?

Я перебрался к багажнику, ухватил кого-то за ворот и потащил прочь. Выбрался из облака дыма и обнаружил, что пальцы стискивают форменную тужурку водителя.

– Где клиент? – рявкнул я на него.

– Не знаю, – заклацал зубами до смерти перепуганный мужичок. – Н-не видел...

Гулко гроыхнул взрыв, отлетела в сторону сорванная створка, заплескали на капоте лимузина длинные языки пламени. А вот едкий дым понемногу начал рассеиваться, поэтому я беспрепятственно вернулся к автомобилю, но не обнаружил там ни Патрика, ни его чемодана.

Курьер умудрился сделать ноги, мне же о таком приходилось только мечтать. Через площадку уже бежала пара постовых; я обреченно вздохнул, снял с ремня служебный значок и шагнул им навстречу.

– Специальный комиссар Грай! – поднял я руку с жетоном. – Оцепите место преступления! – потом указал на водителя и объявил: – Это свидетель. От него – ни ногой! Исполняйте!

– Так точно, господин комиссар!

Я убрал значок, огляделся по сторонам и отправился звонить в управление.

День начинался просто замечательно...

На работу вернулся уже к обеду. Первым делом поднялся к капитану, намереваясь изложить свою версию случившегося, но тот даже слушать ничего не стал.

– Отчет на стол до конца дня! – потребовал шеф, грозно топорща усы. – Копию – в дивизион внутренних расследований.

– Будет исполнено, – отрапортовал я и отправился к себе.

Заправил в пишущую машинку пару проложенных копиркой листов, но прежде чем успел собраться с мыслями, распахнулась входная дверь и в кабинет ввалился нагруженный какими-то коробками Алан Портер.

– Меня к тебе направили, – сообщил он, занимая стол Навина. – Для улучшения координации!

– Новости есть? Что-нибудь удалось нарыть в морге?

– Ничего.

– Таксистов проверил?

– Тоже пустышка, – разочаровал меня детектив. – Собираюсь составить хронологию последнего дня жертвы. Не хочешь присоединиться?

– Хочу, но пока не могу, – вздохнул я, начав печатать отчет.

Алан внимательно посмотрел на меня и не удержался от недоуменного возгласа:

– Какого черта ты вообще забыл на вокзале?

– Встречался с информатором.
– И когда теперь освободишься?
– Понятия не имею.
– Знаешь, Виктор, – хмыкнул вдруг детектив, – у меня складывается впечатление, что ты не заинтересован в раскрытии этого преступления!
– У тебя складывается неверное впечатление.
– Но ты им не занимаешься! Я понимаю, дело тебе навязали, но ведь это убийство! Убита восемнадцатилетняя девушка, а мы даже не знаем, как и где это произошло! Тебя это совсем не задевает? Ты поэтому с ее родителями встречаться не стал?

Я обреченно вздохнул, оторвался от пишущей машинки и уставился на Портера.
– Алан, скажи мне, кто из нас занимается раскрытием убийств, я или ты?
– Но это совместное расследование!
– Вот и делай свою часть работы и оставь мне мою, – попросил я тогда. – А теперь, будь добр, заткнись и не мешай.

Детектив нервно расправил усы, но ввязываться в перебранку не стал и начал распаковывать притащенные с собой коробки. Потом развернул лист ватмана и принялся расчерчивать его непонятными загогулинами, но меня его манипуляции занимали сейчас меньше всего. Отчет, в первую очередь – отчет...

С отчетом провозился пару часов, потом внимательно все перечитал и в целом своей интерпретацией событий остался вполне доволен. По крайней мере, опровергнуть мои слова не сможет никто из возможных свидетелей перестрелки. Главное, чтобы Патрика и его грудастую секретаршу не отыскали...

Разделив листы на две стопки, я подписал каждую страницу и отправился в приемную капитана. Оставил там отчет, спустился в дивизион внутренних расследований и вручил тамошнему письмоводителю второй экземпляр. Потом заглянул к Филиппу Раевски, но инспектор криминальной полиции ничего полезного сообщить не смог.

– Работаем над этим, – только и буркнул он.

Я холодному приему ничуть не смутился, закурил и стряхнул пепел в переполненную пепельницу.

– Что ты от меня хочешь, Виктор? – вздохнул Раевски. – Пока еще никто не задержан, если тебя это интересует.

– Родстер нашли?

– На соседней улице, – подтвердил инспектор. – В нем следы крови на водительском месте, проверяем больницы.

– Все же зацепило одного? – заинтересовался я.

– Удивительно, что только одного, – хмыкнул Филипп. – Криминалисты насчитали в машине два десятка пробоин. – Он откинулся на спинку кресла и спросил: – Сколько длилась перестрелка?

– Недолго. – Я задумался и предположил: – Из револьверов секунды три-четыре палили, не дольше.

Раевски достал мятую пачку папирос, закурил и уставился в потолок.

– Одного понять не могу, – задумчиво пробормотал потом инспектор. – Стрелков было по меньшей мере четверо, и ты никого не заметил?

– Нет, – ответил я для разнообразия чистую правду. – Может, их было двое?

– По револьверу в каждой руке? – задумался Филипп и покачал головой: – За уши пригнуто. Виктор, сам посуди, в таком темпе всадить с обеих рук в цель два десятка выстрелов из двадцати четырех – это надо быть настоящим профессионалом, а тебе ли не знать, что...

– ...настоящий профессионал не стал бы устраивать подобное шоу, – продолжил я мысль инспектора, задумчиво глянул на выкуренную до середины сигарету, сделал три быстрых затяжки и вдавил ее в пепельницу. – Ладно, пойду.

От Раевски я отправился в дежурную часть, получил оставленный для меня пакет и вернулся в кабинет. А там уже вольготно расположилась парочка детективов дивизиона внутренних расследований.

– Так понимаю, объявление «Клоунам не входить» опять сорвала уборщица? – произнес я с порога, подошел к своему столу, за который уселся Шульц пониже, и вздохнул: – Только не говорите, будто вас тоже сюда перевели...

– Нет, у нас появились к вам вопросы! – заявил детектив.

Я с шумом кинул пакет на стол; Шульц от неожиданности вздрогнул, быстро поднялся из кресла и отошел к своему однофамильцу, сидевшему на подоконнике.

– Что это за писульки вы нам принесли? – подключился тот к разговору, потрясая моим отчетом.

– И что же вас не устраивает? – с издевательским спокойствием поинтересовался я, уселся за стол и закинул ногу на ногу.

– Это отписка! – заявил Шульц пониже.

– Вовсе нет.

– Ваше утверждение о встрече с информатором не выдерживает никакой критики! – поддержал коллегу Шульц повыше. – Свидетели подтверждают ваш разговор с подозреваемым!

– Свидетели видели, как человек, с которым я разговаривал, в кого-то стрелял?

– Нет, но...

– Быть может, свидетели утверждают, будто из четырех стволов палила его секретарша?

– Постойте...

– Тогда с какого перепугу они стали подозреваемыми?

– Не передергивайте! Мы просто хотим их опросить. – Высокий Шульц прыгнул с подоконника и раскрыл блокнот. – Имена?

– Понятия не имею, – ухмыльнулся я, откидываясь на спинку кресла. – Я рассчитывал познакомиться с дамочкой, но она оказалась к этому не расположена...

– Вы полагаете, что мы поверим в эту сказочку?

– Разве я не указал в отчете размер ее бюста?

Шульц пониже скорчил презрительную гримасу и процедил:

– Удивительный непрофессионализм!

Я только руками развел.

– Вам не понять...

Высокий детектив явственно напрягся и угрожающе спросил:

– Что вы имеете в виду, комиссар Грай?

– Ну, про вас разные слухи ходят... – Я намеренно оставил фразу незаконченной, и когда детективы уже набычились, собираясь требовать объяснений, сбил их с толку очередным заявлением: – И да, специальный комиссар Грай, если позволите.

Шульц повыше недобро глянул на меня и спросил:

– О чем вы говорили с типом в клетчатом пиджаке?

– О погоде.

– Вы издеваетесь?

– Разве это запрещено? Он был не по погоде одет, не так ли?

Коротышка фыркнул, давая понять, что нисколько не верит моим словам, и задал очередной вопрос:

– Когда вы увидели человека в маске, что вы сделали?

– В соответствии с действующим законодательством представился и продемонстрировал значок.

– Вот как? – скривился Шульц повыше. – И сколько времени у вас это заняло?

Я поднялся из кресла, обогнул стол и гаркнул прямо детективу в лицо:

– Полиция! – Правая рука откинула полу пиджака, на ремне сверкнул служебный жетон, и сразу же ладонь легла на рукоять револьвера.

Шульц от неожиданности резко отпрянул и едва не сбил с ног своего низкорослого напарника. Я ухмыльнулся и вернулся за стол.

– Как видите, много времени это не заняло.

– И налетчик сразу стал стрелять?

– Так и было.

– Вы никак не спровоцировали его?

– Даже не успел приказать бросить оружие.

Детективы переглянулись, Шульц повыше кивнул, и коротышка зашел с тузов:

– По какому вопросу вы встречались с информатором?

Расчет был понятен, но я запираюсь и тем самым позволять загнать себя в угол не стал.

– Предметом беседы было текущее расследование, – вместо этого мило улыбнулся я в ответ.

– А именно?

– Вопрос вне вашей компетенции.

– Почему вы не взяли на встречу детектива Портера? – нахмурился Шульц повыше.

– Организация следственных мероприятий находится вне вашей компетенции.

– А...

– Вне компетенции, – отрезал я, не став даже ничего слушать. – Все вопросы – через капитана. Разговор окончен.

Низкорослый детектив выставил перед собой руку, нацелил на меня указательный палец и многозначительно произнес:

– Клетчатый пиджак и пустой чемодан вашего собеседника были обнаружены в ближайшем мусорном баке. Но вашего информатора найдут. Можете не сомневаться, специальный комиссар Грай, его найдут. И тогда мы получим ответы на свои вопросы.

– Черт, – хохотнул я, – будь у меня такой пиджак, тоже бы на помойку его выкинул!

Детективы дивизиона внутренних расследований с ненавистью глянули на меня и покинули кабинет. Я усмехнулся, достал из внутреннего кармана серебряную гильотину для сигар, утопил кнопку и вылетевшим из боковины загнутым клинком подцепил шпагат полученного у дежурного пакета.

– И к чему была эта пикировка? – произнес вдруг Алан Портер, пригладив усы.

– Не обращай внимания, – отмахнулся я, – у них на меня ничего нет, вот и бесятся.

– Никто не доводит детективов дивизиона внутренней безопасности до белого каления только лишь из желания развлечься.

– Тебе виднее, – пожал я плечами и, выкинув в мусорное ведро оберточную бумагу, взвесил в руке пачку газетных вырезок.

– Что это? – спросил тогда Алан.

– Статьи за последний год, где так или иначе упоминается имя Шарлотты Ли.

– И чем это нам поможет?

– Девочки из приличных семей обычно не знакомятся на улице с женатыми мужчинами средних лет, – пояснил я. – Они должны были где-то встретиться, надо только выяснить, где.

– Ставишь на любовника? – задумался Партер, потирая небритый подбородок.

– Седина в бороду, бес в ребро, – пожал я плечами. – Интрижки имеют обыкновение становиться чем-то большим.

– Шарлотте надоело делить любовника с женой?

– Почему бы и нет? Связаться с молоденькой девицей – это одно, а вот поставить под удар свое положение в обществе, если связь будет обнародована, – совсем другое. Мало кто на такое решится.

Алан кивнул и предложил:

– Возможно, это кто-то из преподавательского состава.

– Слишком очевидно, – решил я.

Какой-нибудь седовласый профессор и в самом деле мог избавиться от надоедливой любовницы, вот только подставлять при этом мэра обычному преподавателю не было никакого резона.

Но озвучивать подобные соображения по понятным причинам не стоило, поэтому когда Алан предложил с утра посетить университет, я отговаривать его не стал.

– Что за информатор, кстати? – вновь нарушил молчание детектив некоторое время спустя. – С кем ты встречался на вокзале?

– На какой ответ ты рассчитываешь? – не удалось скрыть мне своего удивления столь бестактным вопросом.

– Ладно, скажи тогда, какого рода информацию он должен был тебе предоставить.

– Попросил его разузнать о кокаине, – соврал я.

– Но ведь Шарлотта не употребляла наркотиков?

– Но кокаин в ее крови, тем не менее, откуда-то взялся. Возможно, наркотиками интересовался кто-то из ее окружения.

– Человек с положением?

– В том числе.

Портер на какое-то время задумался, потом предложил:

– Могу поспрашивать об этом среди знакомых.

– Ты?

– Я пару лет отработал в дивизионе по борьбе с наркотиками.

– Тогда займись, – разрешил я и поднял трубку задремавшего телефонного аппарата. – Специальный комиссар Грай на проводе.

– Зайди, Виктор, – распорядился Ян Навин.

– Иду. – Я поднялся из-за стола и спросил Алана: – Над чем сейчас работаешь?

– Разобрал протоколы за тридцать первое число, а что?

– Просмотри газетные вырезки. Меня к начальству вызвали.

– Надолго?

– Без понятия, – ответил я, предположив, что причиной вызова стала жалоба детективов дивизиона внутренних расследований, но в своем предположении ошибся.

Когда я прошел в кабинет дивизионного комиссара, тот пристально разглядывал лежавший перед ним на столе отчет об утреннем происшествии с размашистой резолюцией капитана поверх печатного текста.

– Знаешь, Виктор, что мне велели с этим сделать? – с легким оттенком брезгливости поворошил Ян листы.

– Нет.

– Свернуть трубочкой и забить тебе в известное место.

– Резолюция, полагаю, оставлена совсем другая? – Я перегнулся через стол и прочитал: – «Приобщить к делу».

Навин обреченно вздохнул и попросил:

– Съезди на вызов...

– С чего это? – опешил я. – У меня расследование, которое на контроле мэрии!

– Но между тем у тебя достаточно свободного времени, чтобы ввязываться в неприятности! – прорычал Ян. – А у меня сейчас каждый человек на счету!

– Да ну?

– На стройке был умышленный взрыв, – сообщил дивизионный комиссар. – И теперь, помимо тотальной проверки частных медицинских клиник, на дивизионе повис розыск бомбистов! Людей не хватает просто катастрофически!

– Ладно, – вздохнул я. – Куда ехать?

– Убийство в районе железнодорожных путей. Труп частично погружен в Вечность, – сообщил дивизионный комиссар. – Просто осмотри *forum delicti*, подготовь заключение и спихни это дело на криминальную полицию. Раевски выделит машину, на месте уже работают его люди. И шевелись! *Temporē parce!*

– Кто бы мое время поберег, – пробурчал я в ответ и отправился на выезд.

На улице моросил мелкий серый дождик, фонари и неоновые вывески бросали отблески на мокрый асфальт. За окнами служебного автомобиля сначала проносились яркие витрины, затем магазины и развлекательные заведения сменились безликими офисными зданиями, а под конец и вовсе потянулись бесконечные пакгаузы. Район вокзала никогда не мог похвастаться особыми архитектурными изысками, но дождливым вечером он и вовсе казался на редкость унылым местом.

– Приехали, – объявил немолодой молчаливый водитель, когда впереди замелькали синекрасные огни сирен.

Я распахнул дверцу, выбрался на засыпанную гравием дорогу, и рядом немедленно оказался незнакомый сержант дивизиона транспортной безопасности.

– Специальный комиссар Грай?

– Да, – подтвердил я, прикрыл голову шляпой и спросил: – Где тело?

– Следуйте за мной.

Мы прошли мимо карауливших место преступления патрульных в черных дождевиках к неказистому строению, у которого были припаркованы фургон дивизиона алхимической безопасности, машина криминалистов и катафалк коронерской службы. Прятавшиеся внутри от непогоды детективы при нашем появлении бросили травить свои обычные байки и попытались сделать вид, будто изучают место преступления, но попытались без особого энтузиазма. Парочка криминалистов и помощник коронера и вовсе продолжили курить у выломанного окна.

– Где тело? – спросил я.

– Здесь, – указал сержант на колодец в бетонном полу, вытащил из петли на поясе увесистый электрический фонарь и посветил вниз.

Я глянул туда и озадаченно хмыкнул.

– Хорошие ботинки, – сказал, сдвигая шляпу на затылок.

– Крокодилья кожа, – подтвердил один из детективов, невысокий и плотный. – Три сотни за пару как с куста!

– Похоже на то, – согласился я, разглядывая торчащие из серой глади Вечности ноги покойника.

Торчали они, разумеется, не сами по себе, а обмотанные цепью, что тянулась к ржавому барабану непонятного механизма под потолком.

Я повернулся к сержанту дивизиона транспортной безопасности и спросил:

– Мы где вообще?

– На пункте замера уровня Вечности, – пояснил тот. – Зброшенном. Обходчики сюда пару раз в год заглядывают. Просто грузчики взломанное окно заметили, вот нас и вызвали.

– Понятно, – вздохнул я, опустился на корточки и пригляделся к сорванному с колодца люку, ржавому и запыленному, как и все здесь.

Один из криминалистов тотчас приблизился и подсказал:

– Судя по свежим следам, взломан только сегодня.

Я выпрямился и спросил:

– Есть предположения, что здесь произошло?

Усатый господин в поношенном пиджаке с кожаными заплатами на локтях потер переносицу и произнес:

– Они опускали и поднимали его несколько раз, а потом совало стопор и заклинило механизм.

– Они?

– Одному не справиться, – подтвердил сержант дивизиона транспортной безопасности. – Подъемник на такой вес просто не рассчитан.

– Ясно, – хмыкнул я и уточнил у криминалиста: – Откуда уверенность, что его поднимали?

– Характер царапин на механизме и содранная ржавчина свидетельствуют о том, что было два или три цикла...

Плотный детектив удивленно присвистнул:

– Пытали его, что ли?

– Гангстерская разборка? – предположил я.

– Никогда ни о чем подобном не слышал, – засомневался детектив.

Я кивнул, принимая его довод, и спросил:

– Отпечатки на месте преступления уже сняли?

– Отпечатков нет.

– Фотосъемка?

– Сделано, – подтвердил напарник усатого криминалиста и похлопал по кофру фотоаппарата.

– Тогда поднимайте тело, – распорядился я, отошел от люка и спросил плотного детектива: – Свидетелей опросили?

– Да какие тут свидетели? – хмыкнул тот в ответ. – Грузчики сплошь тронутые, из них и слова не вытянешь...

– Бригады – нормальные, – возразил я.

– Операторы кранов и погрузчиков – тоже, – подсказал сержант дивизиона транспортной безопасности. – Еще водители. И охрана на пакгаузах частная.

– Комиссар, вы разве не планируете забирать дело себе? – нахмурился детектив.

– Нет, – отрезал я, немного помолчал и добавил: – В любом случае первичный опрос свидетелей все равно останется на вас.

Плотный насупился, но спорить не стал и принялся отдавать распоряжения своим людям. Те потянулись к выходу, и тогда в дверь заглянул боец дивизиона алхимической безопасности.

– Мы еще нужны? – спросил он.

– Да, – подтвердил я, – сейчас будем поднимать тело, – потом приказал сержанту: – Подберите пару парней покрепче.

Вновь заглянул в колодец, осмотрел покрывавшие его стены тусклые знаки сложных формул и пришел к выводу, что прорыва безвременья можно не опасаться. Но все же решил подстраховаться.

– Комиссар?.. – неуверенно обратились ко мне двое патрульных, зашедших с улицы.

– Одну минуту, – попросил я, дождался, пока рассредоточатся вокруг колодца бойцы алхимической безопасности, и дал отмашку: – Поднимайте! Давайте-давайте! Вытаскивайте цепь!

Полицейские ухватились за ржавые звенья, поднатужились и начали вытягивать покойника наверх. Тело рывками поднималось из матового зеркала Вечности, а то оставалось безупречно-гладким, и лишь когда показалась голова, безвременье подернулось легкой рябью и начало выгибаться, принимая форму линзы.

– Вспышка! – крикнул один из бойцов дивизиона алхимической безопасности и опрокинул в колодец бочонок с реагентом.

Миг спустя хлопнуло, и к потолку поднялось облако пара. По комнате распространилась едкая вонь химикалий, но сквозняк мигом выдул ее наружу. Я мельком глянул вниз – там уже никакого движения, одна лишь плоская поверхность безвременья.

Порядок.

– Разрешите! – оттеснил меня криминалист с фотокамерой и встал над лежащим на бетонном полу парнем в плотном шерстяном костюме, недешевой сорочке и шелковом галстуке.

– Одну минуту, – придержал я фотографа и обнажил служебный нож с покрытым зеркальным алхимическим составом клинком. – Давайте!

Полыхнул магний, мигнула высветившая все углы вспышка, и криминалист поспешно отступил в сторону, а вот я, наоборот, присел к труп и вгляделся в его лицо. В широко распахнутых глазах покойника продолжали мелькать серебристые отблески, они постепенно слились в молочную белизну и стерли всякую разницу между зрачком и радужкой.

Конечности мертвеца дрогнули, пальцы заскреблись по бетону, но полностью овладеть телом затаившаяся в нем сущность не успела; я навалился сверху, придавил труп обратно к полу и плавным движением загнал длинный клинок под челюсть. Какое-то время удерживал его так, потом отстранился, поднялся на ноги и внимательно осмотрел зеркальное покрытие ножа. На том – ни капли, ни мазка. Да и рана совершенно не кровоточила.

Сержант дивизиона алхимической безопасности стянул с лица резиновую маску и спросил:

– Что-то еще, комиссар?

– Люк надо заварить, – приказал я, вновь опускаясь на корточки. Проверил карманы двубортного пиджака – ни бумажника, ни документов. Спичек – и тех нет.

– Насчет люка сделаем заявку, – пообещал сержант дивизиона транспортной безопасности

– Хорошо, – кивнул я и спросил помощника коронера: – Можете назвать причину смерти?

– Только после вскрытия, – ответил тот и присел рядом: – Позвольте...

– Отпечатки пальцев снять не забудьте, – напомнил я, поднялся на ноги и поинтересовался: – Где здесь ближайшая телефонная будка?

– Телефон есть у сторожа в соседнем пакгаузе, – подсказал сержант. – Проводить?

– Найду, – отказался я, и действительно – долго блуждать по задворкам темных строений не пришлось, а служебного жетона оказалось достаточно, чтобы сторож впустил внутрь и дал воспользоваться телефоном.

Первым делом я позвонил в контору Алекса Брига и предупредил, что сегодня встретиться с ним не смогу, потом без особой надежды набрал рабочий номер Яна Навина, но, как ни удивительно, дивизионный комиссар оказался на месте.

– Вот черт! – только и выдохнул он, выслушав мой отчет. Немного помолчал и спросил: – Уверен, что это наш случай?

– Человека опустили головой в Вечность, потом подняли. Опустили и подняли. Ян, как думаешь, наш это случай или нет?

– Черт побери! – вновь выругался Навин. – Думаешь, жертву намеревались сделать тронутым?

– И сделали бы, не сорвись стопор.
– Хорошо, забираем это дело себе. Ты сообщишь Раевски, или мне ему позвонить?
– Сам позвоню. – Я утопил рычажки аппарата, отыскал в записной книжке телефонный номер с тщательно вымаранным именем бывшего инспектора криминальной полиции и принялся крутить диск.

Филипп снял трубку почти сразу – бьюсь об заклад, сидел и ждал моего звонка.

– Что скажешь, Виктор?

– Ну не знаю, – неуверенно протянул я. – Похоже на гангстерские разборки. Как по мне...

– Ты серьезно?

– Ну сам посуди, если бы мы брались за каждый случай, когда человека в подземке сталкивают в Вечность...

– Виктор! – рявкнул инспектор. – Так нельзя! Убийцы преднамеренно использовали Вечность в качестве орудия преступления! Они связали жертве ноги и опустили головой в безвременье! Гангстеры так не поступают!

– Может, ты и прав, – пробормотал я. – Но что я скажу шефу? Что взял дело, от которого так и разит заказным убийством?

Филипп шумно вздохнул и спросил напрямую:

– Виктор, чего ты хочешь?

– Твои люди не уедут отсюда, пока не опросят всех свидетелей. И выдели мне машину с водителем. Тогда я попытаюсь убедить Яна.

– Машину дам на неделю.

– Не думаю, что это дело получится распутать вот так сразу. Филипп, тебе нужен всяк?

– Машина на две недели и Алан Портер в помощь.

– Ты выкручиваешь мне руки.

– Мне поговорить с капитаном?

– Ладно, договорились, – хмыкнул я и кинул трубку.

Вышел на улицу, закурил, запрокинул лицо к сыпавшему моросью небу. Постоял так какое-то время и отправился обратно на место преступления.

Освободился в девятом часу. Освободился, ровным счетом ничего не выяснив. Зацепок – ноль. Не было ни имени жертвы, ни очевидцев. По сути, не было ничего, кроме самого покойника.

Оставалось лишь уповать на то, что исчезновение господина в дорогуших штиблетах из крокодиловой кожи не останется незамеченным его родственниками и коллегами, и они обратятся в полицию. И вот тогда начнется настоящая работа.

Водитель отвез меня в центр; там я в первом попавшемся киоске купил свежий выпуск «Осеннего вестника» и зашел перекусить в кафе неподалеку от больницы Святой Кaterины. Заказал кофе и стейк, пролистал газету, наскоро поужинал и вновь вышел под дождь.

Светились размытыми шарами от висевшей в воздухе мороси уличные фонари, пронзали вечерний мрак фары кативших по дороге автомобилей, призывно мигали вывески развлекательных заведений. Шелестели по асфальту мелкие капли.

Все как обычно, все как всегда.

Я сунул свернутую газету в карман плаща, поднял воротник и зашагал по тротуару. Прошел пару кварталов и вдруг спиной уловил некую неправильность. Обернулся – никого.

Да и в самом деле, какой хвост, откуда?

Немного постояв на перекрестке, я свернул на соседнюю улицу и толкнул дверь в ювелирный салон с незатейливой вывеской «Двадцать четыре карата». Под звон колокольчика переступил через порог, сразу поменял вывеску на «Закрито» и задвинул засов.

– Виктор? – озадаченно глянул на меня лысый старикашка в очках с толстенными линзами. – Что-то случилось?

Я снял шляпу, стряхнул с нее капли воды, затем достал из кармана газету и кинул ее на прилавок.

– Раздел криминальной хроники, – подсказал хозяину салона.

Тот поменял очки на другие, зашелестел газетными листами, но сразу отложил их в сторону.

– Виктор, я и предположить не мог... – просипел ювелир.

– «Перестрелка на вокзале»! Подумать только! – прошелся я по торговому залу. – Как тебе это нравится?

– Рад, что с тобой все в порядке, Виктор...

– Ты говорил, что надо просто встретить курьера, а вместо этого я влип в гангстерские разборки!

– Я ни о чем таком не знаю! – поспешно ответил старик, судорожно сглотнул и попытался оправдаться: – Ограбления случаются...

– Грабители не начинают палить в полицейских, друг мой.

– Какой-нибудь новичок...

– Новичок, который осведомлен насчет приезда курьера?

– Не знаю, – поник владелец ювелирного салона. – Меня никто ни о чем подобном не предупреждал! Просто пришла телеграмма, что стоит обеспечить охрану, и я по старой памяти обратился к тебе!

– Где курьер? Надо задать ему пару вопросов, – заявил я, выведенный из себя осознанием того, что стал разменной монетой в чужой игре.

– Он не пришел, – окончательно поник старикан. – Виктор, он не пришел! Я не вру!

– Получается, – недобро улыбнулся я, – пистолета у тебя нет?

– Нет.

– Это очень, просто очень нехорошо...

– Виктор! – взмолился старик. – Ты знаешь меня много лет. Я хоть раз тебя подводил? Поверь, я компенсирую тебе все до последней монеты!

– Ты обещал пистолет. Мне нужен пистолет, – отрезал я. – И когда объявится курьер, предупреди его, что лучше бы ему самому меня найти. Шкура целее будет!

Я отодвинул засов, вышел на улицу и с грохотом захлопнул за собой дверь. Вернулся на перекресток, поймал такси и велел ехать к отелю «Серебро». Там покурил на крыльце, чтобы успокоить нервы, и прошел к стойке портье.

– Корреспонденция? – дежурно поинтересовался у него.

– Нет, господин Грай, – столь же дежурно ответил служащий, но сразу встрепенулся: – Несколько раз просили соединить с вашим номером. Звонки были из города.

– Вот как? – озадачился я. – Давно звонили?

– Пару часов назад, незадолго до окончания дневной смены телефонистки.

– Понятно.

Решив перезвонить в управление из номера, я направился к лестнице, кивнул выглянувшему из своей комнатухи отельному детективу и поднялся на третий этаж.

После расставания с Анной оставаться в съемной квартире мне не захотелось; слишком многое напоминало там о прежней жизни. Переезжать в другой доходный дом тоже не стал. Вместо этого снял номер в отеле «Серебро»; благо его владелец был хорошим знакомым Алекса Брига.

Отперев замок, я переступил через порог и вдруг почувствовал, как зашуршала под ногами бумага. Включил свет – и точно: на коврике лежал просунутый под дверь конверт.

– Никуда от рекламы не деться, – проворчал я, прошел в комнату и кинул конверт на журнальный столик. Затем убрал в шкаф мокрый плащ, плеснул в стакан немного односолодового виски, отхлебнул и без сил развалился на диване. Хотелось просто закрыть глаза и уснуть, и я даже начал понемногу проваливаться в полудрему, но все испортил телефонный звонок.

Резкое дребезжание вмиг разметало накопившуюся безмятежность; я со стоном поднялся с дивана и подошел к журнальному столику. Поднял трубку – там гудки.

Не успел. Бывает.

Ничуть по этому поводу не расстроившись, я развязал галстук, снял пиджак и уже тогда вспомнил про подсунутый под дверь конверт. Уселся в кресло, выщелкнул лезвие складного ножа, но прежде чем подцепил кончиком лезвия заклеенный клапан, вновь зазвонил телефон.

– Виктор Грай слушает, – пробурчал я в трубку.

– Это Алан, – послышался голос детектива. – Ты не вернулся в управление...

– Не вернулся, – подтвердил я очевидный факт.

– Тебе какая-то девица полвечера названивала.

– Представилась?

– Нет.

– Тогда неважно, – решил я и сообщил: – Нам всучили новое дело.

– А как же убийство Шарлотты?

– С новым убийством никаких зацепок не предвидится, так что Шарлотта по-прежнему в приоритете. Нашел что-нибудь полезное в газетных вырезках?

– Даже не знаю, – отозвался Портер после недолгой заминки. – Большинство упоминаний так или иначе связано либо с учебой, либо с театральной студией. Думаю, надо туда съездить и поговорить с людьми.

– Что-то еще?

– Не уверен, важно ли это, но Шарлотта на минувших выборах работала в избирательном штабе Ланфорда. На общественных началах.

– Ты ничего не перепутал? – удивился я. – Именно Ланфорда? Ее дядя – ближайший соратник мэра! Ланфорд был его прямым соперником!

– Юношеское бунтарство, – хмыкнул Алан. – В паре статей о выборах упоминается, что Шарлотта Ли является одним из помощников начальника избирательного штаба. Не думаю, что это какая-то ошибка.

– Кто был начальником штаба?

– Саймон Мориц.

– Это который наш будущий городской прокурор?

– Он самый, – подтвердил Портер.

– Очень интересно.

– Думаешь, Шарлотта могла познакомиться с солидным семейным господином именно там?

– Не исключено, – решил я, машинально вскрыл конверт и вытащил из него сложенный вдвое листок.

– Ну так что – университет, театральная студия или избирательный штаб? Что выбираешь? – спросил Алан. – Или кинем монетку?

– Избирательный штаб, – уверенно заявил я. – Возьму на себя избирательный штаб...

Потом опустил трубку на рычажки телефонного аппарата и аккуратно разгладил записку, на которой фиолетовыми чернилами была выведена одна-единственная строчка:

«Спросите о Шарлотте у Саймона Морица».

Глава 3

Утром встал весь разбитый и с головной болью.

Не пил, нет. Думал.

Думал о просунутом под дверь анонимном послании.

Личность таинственного доброжелателя особо не волновала – ясно, что кто-то из друзей и знакомых Шарлотты отыскал в телефонном справочнике мой номер с визитной карточки и, желая сохранить анонимность, не поленился самолично приехать в отель. Куда больше занимал извечный вопрос: «Что делать?».

Что мне теперь с этой писулькой делать?

Проиигнорировать единственную пока реальную зацепку никак нельзя. А зарегистрирую анонимку – и немедленно окажусь между мэром и будущим прокурором города, будто между молотом и наковальней. Если же о записке пронюхают газетчики, то одному недалекому комиссару и вовсе лихо придется.

Нет, регистрировать анонимку никак нельзя. Но с другой стороны – так ли это обязательно? Что мешает мне побеседовать с господином Морицем по поводу смерти его бывшей подчиненной в частном порядке? Ведь человек, претендующий на пост прокурора города, более других должен быть заинтересован в раскрытии столь ужасного преступления. К тому же, я и так хотел наведаться в избирательный штаб.

Я тихонько рассмеялся, поднялся с дивана и отправился в ванную комнату. Умылся, побрился, залепил кусочком пластыря порез под губой и стал собираться на службу. Оделся, прицепил на пояс кобуру с табельным револьвером и спидлоадер с запасными патронами. А только завязал галстук и поправил перед зеркалом аккуратный узел, как зазвонил телефон.

Глянув на хронометр, я мысленно посетовал на неугомонного напарника и поднял трубку, но нет – на том конце провода оказался Ян Навин.

– Уже встал? – спросил он.

– Встал.

– Выходи, через пять минут будем у тебя.

– С какой стати? – озадачился я, но вместо ответа в трубке раздались короткие гудки.

Ну что за человек такой?

Я покачал головой, снял с плечиков плащ и спустился на крыльцо отеля дожидаться невесть с чего решившего вдруг заехать за мной с утра пораньше дивизионного комиссара. На улице оказалось привычно пасмурно и прохладно. Холодный ветер трепал облетевшие деревья и гнал рябь по серым лужам; пришлось надеть плащ и достать из карманов перчатки.

Освещенные окна выделялись на серых фасадах заспанных домов редкими цветными пятнами, спешили по тротуарам ранние прохожие, проносились по дороге хищные силуэты машин.

Город не спит никогда. И даже думать не хотелось, что стряслось в нем очередной беспокойной ночью.

Я достал портсигар и закурил, но только сделал пару затяжек, как напротив крыльца остановился полицейский автомобиль. Требовательно рявкнул клаксон; я без особой спешки спустился по ступенькам, выкинул окурков в урну и забрался на заднее сиденье.

– Поехали! – тут же распорядился сидевший рядом с водителем Ян Навин.

– Что происходит? – потребовал я объяснений.

Дивизионный комиссар обернулся и односложно ответил:

– Срочный вызов.

– У меня уже два дела в производстве!

– Значит, будет три.

– Издеваешься?

– А похоже?

– Да.

– Нет, не издеваюсь, – вздохнул Ян и отвернулся. – Вчерашнего покойника так и не опознали, возни у тебя с ним пока будет немного. А по Шарлотте Ли пусть детектив Раевски работает, его профиль.

– А когда из мэрии поинтересуются, как продвигается расследование, что сказать?

– Сказать, что не стоило урезать финансирование дивизиона! – огрызнулся Навин.

– В самом деле?

Ян на какое-то время замолчал, потом произнес:

– Два десятка убитых, – но сразу поправился: – Примерно. Еще не все конечности пересчитали.

– Бомба? – предположил я, невольно поежившись.

– Сущность. Как-то проникла в вагон. Криминальная полиция окажет нам содействие с опросом свидетелей, я договорился.

– Черт! – охнул я. – Сам не хочешь заняться?

– Меня на все просто не хватит, – мотнул головой дивизионный комиссар. – В приоритете – поиск бомбистов.

– Требования они какие-нибудь выдвинули?

– Ни требований, ни заявлений.

Я озадаченно хмыкнул. Обычно бомбисты первым делом рассылали свои бредни по всем более или менее значимым газетам, а уж после любой мало-мальски удачной акции они делали это в обязательном порядке. В этом весь смысл. Люди должны знать, чего им бояться.

– Псих-одиночка? – предположил я, перебрав все возможные варианты.

– Не знаю, – вздохнул Навин.

– Ладно, займусь, – скрепя сердце, согласился я. – Но вчерашнее убийство задвигать в дальний ящик не стану. Будем вести его с Портером совместно.

– С Раевски договорился?

– Да.

– Хорошо, – кивнул Ян, думая, о чем-то своем.

– Что хорошо? – разозлился я. – Попроси криминалистов проверить по картотеке отпечатки пальцев покойника хотя бы до конца дня!

– Виктор, ты же знаешь, как они загружены! Придется подождать...

– Ян, – нахмурился я, – вот только не надо, а? Если ты не поторопишь криминалистов, отпечатки еще пару недель у них проваляются!

– Хорошо, позвоню. Доволен?

– Нет, – буркнул я и распахнул дверцу, выбираясь из автомобиля, остановившегося у оцепленной полицией станции подземки. За выстроившимися в ряд патрульными толпились газетчики, сверкали магниевые вспышки фотокамер, мигали маячки сирен карет скорой помощи и служебных автомобилей.

– Спускайся и займись делом, – распорядился Ян Навин, поправляя узел галстука. – Мне сначала надо здесь все уладить.

Дивизионный комиссар направился к оживившимся репортерам, а я поднялся на крыльцо и беспрепятственно прошел внутрь. Вращающиеся двери плавно провернулись, не потревожив тишину вестибюля, и только шум моих шагов разнесся по непривычно безлюдному помещению. Едва начал спускаться на платформу, и сразу дала знать о себе близость Вечности. Гулко застучало сердце, в голове зазвучали неразборчивые отголоски чужих шепотков.

Шепотков отчасти удивленных, отчасти раздосадованных.

Так мне показалось.

Создалось впечатление, будто обитавшие в безвременье сущности озадачены ничуть не меньше следственной группы и потому беспрестанно шипят друг на друга, словно свившиеся в единый клубок змеи далеких экзотических островов.

Усилием воли я отгородился от мягких, едва уловимых касаний Вечности и отправился дальше, не обращая больше внимания на призрачное присутствие чуждой людям стихии.

Тянуло сквозняком, холодило безвременьем; все как обычно, все как всегда. Но вот кровавый отпечаток на мраморных ступенях – это уже нечто из ряда вон.

Отпечаток, ниже еще один, чуть более яркий и четкий, а потом следы начали попадаться все чаще и стал различим рифленый рисунок подошв. После на светлом камне запестрели бурые капельки и засохшие пятна крови покрупнее. На стенах время от времени виднелись длинные мазки, словно некто рвался вверх, отталкиваясь от них ладонями.

Некто?

Даже думать не хотелось, кто именно мчался по лестнице, весь перепачканный в крови с ног до головы.

Нестерпимо захотелось закурить; я сделал несколько глубоких вдохов и взял себя в руки, но продержался ровно до тех пор, пока не наткнулся на первое тело. Мужчине средних лет разможили голову, и ступени вокруг тела оказались залиты стекавшей вниз кровью.

Закурив, я какое-то время разглядывал покойника, потом перескочил через него и спустился на платформу, где изломанными марионетками замерли еще три мертвеца. Одному без затей свернули шею, другого отшвырнули с дороги с такой силой, что удар о стену расколол череп, будто гнилой орех. Третий...

Третий выглядел так, словно его пропустили через мясорубку. При этом он каким-то чудом умудрился доползти до телефонной кабинки... доползти – и дотащить за собой ленты кишок. То еще зрелище.

Немудрено, что проняло не только охранявших место преступления патрульных и бойцов штурмового дивизиона, но и многое повидавших помощников коронера.

Я несколько раз глубоко затаился, выкинул окурок и направился к вагону подземки с занавешенными брезентом дверьми.

– Комиссар! – окликнул меня знакомый криминалист. – Не советую.

– В смысле? – удивился я.

Парень распахнул пузатый саквояж и достал оттуда пару высоченных прорезиненных сапог. Выставил их на перрон и предупредил:

– И плащ лучше оставьте.

– Все так плохо? – нахмурился я.

– Хуже не придумаешь, – подтвердил криминалист, принимая мой плащ. – Настоящее месиво.

– Весь состав?

– Нет, только один вагон. И несколько человек на платформе под удар попали.

– Внешние повреждения? – спросил я, глядя на глухие, без единого окна вагоны с облезлыми бортами, которые пестрели многочисленными царапинами, сколами и вмятинами.

– Внешних нет. Выломана только одна дверь, но и она выломана изнутри.

– Это произошло в Вечности? – уточнил я.

– Нет, уже здесь. Видите, как заклепки разлетелись?

– Получается, двери заблокировало, когда *сущность* была уже внутри? – задумчиво пробормотал я под нос, разглядывая прочерченные мелом кружочки на гранитном полу, и спросил скорее себя самого, нежели собеседника: – Тогда как *она* попала внутрь?

Криминалист только плечами пожал.

– Не знаю, – признался он. – Но, на первый взгляд, алхимическая защита в полном порядке.

– Остальные пассажиры до сих пор находятся в вагонах? – спросил я напоследок.

– Да. Им объявили о технической неисправности. Свидетелей увезли в ближайший участок.

Я кивнул и подошел к двери вагона, ошестинившейся острыми пластинами прорванного изнутри железа. Ни металл, ни алхимические формулы не сумели удержать тварь внутри, и немудрено – ведь предназначались они для отражения вторжения извне.

– Приступаем? – поспешил ко мне помощник коронера.

– Одну минуту.

Занавесь не позволяла заглянуть внутрь, но мне и не требовалось делать этого, чтобы знать, какое именно зрелище ждет в разгромленном вагоне. Кровь. Одурающим запахом крови тянуло оттуда просто-таки с убийственной силой.

Отдергивать брезент не хотелось.

Ну я и не стал. Вместо этого дошел до конца вагона, перескочил на лесенку и забрался на исцарапанную крышу. Прошелся по ней, чувствуя, как слегка пружинят под ногами листы железа, не заметил ничего подозрительного и вернулся на перрон.

Неправильно.

«Неправильно» – вот единственное слово, которое пришло на ум.

Однажды мне довелось видеть вагон, выпущенный в рейс с поврежденной алхимической защитой, так вот – от него не осталось почти ничего. Какие-то жалкие ошметки металла и человеческой плоти, спаянные в неразделимое целое.

Здесь все не так. И это неправильно. Ведь если нарушена защита, если сумела просочиться внутрь сущность, то в эту лазейку вслед за ней хлынуло бы безвременье и тогда вагон неминуемо разметало бы на куски.

Что же стряслось?

Сущность призвали, или подземкой воспользовался тот, кому делать этого не стоило? Некто, ощутивший себя запертым в стальном вагоне на веки вечные? Пойманный в ловушку собственным сознанием?

Но как тогда он умудрился выбить дверь?

Я полез за новой сигаретой, но понял, что просто тяну время, и прямо поверх туфель надел безразмерные сапоги. Потом махнул рукой бойцам штурмового дивизиона, и те с оружием наизготовку окружили вагон полуколыцом.

Тогда я попросил помощника коронера:

– Дайте мне минутку, – и откинул брезент.

Откинул – и немедленно отшатнулся назад. Внутренности затянуло узлом, к горлу подкатил едкий комок тошноты, враз перехватило дыхание.

Впрочем, ситуацию успел оценить и так.

Никаких следов проникновения извне. Никаких следов Вечности. Одни только кровавые ошметки, обрывки одежды и куски тел. Но это, к счастью, уже не по моей части...

Я отступил от вагона, вновь закурил и предупредил помощника коронера:

– Выносите фрагмент, выкладываете на брезент. Я проверяю, приносите следующий.

Эксперт спорить не стал, только протянул резиновые перчатки.

– Вам понадобится, – сообщил он и спокойно скрылся внутри.

Его напарник передал мне длинный прорезиненный фартук и отправился следом, а я выкинул окурки и закрыл глаза, готовясь к неприятной работе.

Пусть сущностям и не затаиться в изуродованных телах, но Вечность коварна. Она может напитать собой мертвую плоть, вдохнуть в нее противоестественный эрзац жизни, превратить в вечно голодное создание, одержимое идеей исправить чужой кровью собственную ущербность.

Поэтому вариантов только два: либо проверять останки на предмет заражения безвременно, либо запустить в вагон бойца с огнеметом. Очищение огнем? Хорошо бы, но не в нашем случае...

Ян Навин явился, когда мы обработали не больше половины вагона.

– Вы еще не закончили? – удивился он.

– Как видишь.

– Виктор, ты понимаешь, что в остальных вагонах до сих пор находятся люди? – возмущился дивизионный комиссар, чей пижонский приталенный костюм на залитой кровью платформе смотрелся еще более неуместным, нежели обычно. – Ты подумай только, что наверху творится! Целая ветка подземки встала!

– Предлагаешь отправить тела прямиком в крематорий? Без проверки их ни один морг не примет!

– Хорошо, – сдался Навин, – попробую выторговать еще полчаса. Один черт, в таком виде вагон через Вечность гнать нельзя. – Он мрачно глянул на меня и спросил: – Есть предположения, что здесь стряслось?

Я поднял с перрона бумажный пакет для улики и спросил:

– Ты ведь в курсе, что некоторым людям не стоит спускаться в подземку?

– Людям с нестабильным внутренним временем?

– Вроде нас с тобой, да, – подтвердил я. – Только не прошедшим обучение.

Навин глянул на выломанную изнутри дверь и покачал головой:

– Простой человек не смог бы устроить подобный разгром. К тому же, сам посуди, ну кто в здравом рассудке сунется в вагон подземки, зная, чем это закончится?

– Возможно, тот, у кого просто не было выбора? – усмехнулся я и покачал пакетом для улики перед лицом дивизионного комиссара.

– Что там? – потянулся Ян за пакетом, но я отдернул руку.

– Уверен, что хочешь это увидеть?

– Дай сюда! – Навин вырывал пакет, заглянул внутрь и поднял на меня озадаченный взгляд. – Вот дерьмо! – выдохнул он.

– Это еще мягко сказано, – поморщился я, стянул окровавленную перчатку и похлопал начальника по плечу. – Готовься. Газетчики нас с потрохами сожрут, когда пронюхают.

– Если пронюхают.

– В этом городе не умеют хранить секреты.

– Держи рот на замке, – предупредил Ян.

– Так точно, мой комиссар! – ухмыльнулся я.

Нервы, это все нервы.

В пакете лежали наручники. Обычные на вид наручники за небольшим исключением: один из браслетов был разорван, на втором засохли ошметки кожи и куски плоти.

Если кто-то из детективов спустился с задержанным в подземку и того прямо вагоне скрутил приступ, на полицию не просто выльют ушат помоев. Полетят головы. И не рядовых исполнителей; на этот раз отдуваться придется начальству.

– Не паясничай! – потребовал Навин. – Надо выяснить, кто из наших ехал в этом вагоне. Установим личность полицейского – выйдем на беглеца.

– Не все так просто, – покачал я головой, – большинство тел изуродовано до полной неузнаваемости.

– Сделай что-нибудь! – потребовал Ян и встряхнул пакет. – А я попробую отследить наручники по серийному номеру.

– С людьми в вагонах что делать будем? – напомнил я.

– Заканчивайте с телами, и отгоним состав в депо, – решил Навин и зашагал к лестнице

– Так мы продолжаем? – уточнил тогда помощник coronера.

– Одну минуту, – попросил я и отошел к кабинке телефонного аппарата. Набрал рабочий номер, а когда Алан Портер поднял трубку, обрисовал ему ситуацию и попросил посмотреть материалы по вчерашнему убийству. Потом с тяжким вздохом отправился сортировать фрагменты тел.

Черт бы побрал эту работу...

Очистили вагон в итоге только через час. К этому времени у меня от выкуранных сигарет во рту стояла мерзкая горечь табака, руки дрожали, и хотелось напиться вдрызг. Просто запереться у себя с ящиком дешевого виски и не появляться на людях как минимум пару дней.

Что выводило из себя больше всего – никакого толка от моего участия в осмотре тел не было. Впустую потраченное время и нервы. Без подобного опыта вполне мог бы и обойтись.

– Позвоните, когда будет готово заключение по вагону, – сунул я визитку криминалисту и вновь отошел к телефонной будке.

Набрал рабочий номер Яна Навина, но дивизионного комиссара не оказалось на месте. Тогда поднялся на улицу, выскользнул за полицейское оцепление, у которого по-прежнему толпились газетчики и жители окрестных домов, и зашагал прочь от карет скорой помощи и полицейских автомобилей.

Вскоре заметил на противоположной стороне вывеску бара, перебежал через проезжую часть, толчком распахнул дверь и шагнул внутрь.

– Два двойных виски. Чистого, – предупредил бармена, проходя в уборную.

Открыл кран, умылся, постоял немного, наблюдая в зеркало за медленно стекавшими по лицу каплями. Потом вытерся, пригладил волосы расческой и вернулся в бар.

Когда я уселся на высокий стул, то первым делом наставил палец на господина в темно-сером плаще и матерчатой кепке и предупредил:

– Ни слова! – потом влил в себя стаканчик виски и взял второй.

– Этот разве не для меня? – удивился Кай Дворкин, криминальный репортер «Осеннего вестника» и мой хороший знакомый.

– Нет, – отрезал я и выпил.

Слегка отпустило. Слегка.

– Бутылку этого пойла, будьте добры, – попросил тогда Кай бармена и выложил перед собой мятую двадцатку. Забрал бутылку и спросил: – Присоединишься?

Я только рукой махнул.

Мы перебрались за угловой стол; Дворкин разлил виски по стаканам и участливо поинтересовался:

– Совсем плохо?

– А сам как думаешь? – буркнул я и закурил. Затянулся, выдохнул к потолку струю дыма, снова хлебнул виски.

– Никак не думаю, – ответил Кай и достал мятую пачку папирос: – Чтоб ты знал, я привык оперировать фактами, а не догадками.

– Брось! – фыркнул я и стряхнул пепел, попутно убедившись, что до карандашной черты на белой бумаге остается еще как минимум пара затяжек. – Не намерен сейчас говорить об этом.

– Ты разбиваешь мне сердце! – оскорбился газетчик, потер крупный нос и выпил. – Весь город гудит! Люди боятся спускаться в подземку!

– Боятся? Не иначе, из-за врак таких вот, как ты, бумагомарак, – фыркнул я, последний раз затянулся и вдавил недокуренную сигарету в дно пепельницы.

– Так позволь донести до людей правду.

– Правда – это не по моей части.

– Виктор! – потерял терпение газетчик. – Только вчера я по твоей просьбе перерыл весь архив газеты и даже не спросил, зачем понадобилась информация о Шарлоте Ли...

– Можно подумать, новость о ее убийстве прошла мимо тебя...

– Но почему расследованием банального убийства занимается специальный дивизион? При каких обстоятельствах была застрелена племянница члена городского совета, раз это дело отдали тебе? Виктор, чтоб ты знал – я очень хорошо умею делать выводы. У меня логическое мышление.

– Забудь про Шарлотту, – попросил я и допил остававшееся в стакане виски. – Когда появится что-то конкретное, узнаешь об этом первым.

Дворкин выдохнул струю папиросного дыма и уставился на меня через зависшую меж нами пелену.

– Что стряслось в подземке? Сущности прорвалась в вагон? Не выдержала защита? Сколько жертв?

– Хватит, Кай, – поморщился я и разлил по стаканам остатки пойла.

Несмотря на выпитое, голова оставалась ясной-ясной, мысли не путались, и делиться служебной информацией с приятелем не было ни малейшего желания.

– Мне нужно хоть что-то! – заявил тогда газетчик, пододвигая к себе стакан. Дворкин подался вперед, тяжело навалился на стол и прошептал: – Виктор, от тебя ведь не убудет...

Я задумчиво посмотрел на него и столь же тихо ответил:

– Это был не прорыв.

– Бомба?

– Нет, не бомба.

– Тогда что?

– Не знаю.

– Не знаешь? Ты?!

– Полагаю, всему виной трагическое стечение обстоятельств, – заявил я и допил виски. Внутри будто жидкий огонь провалился.

– Виктор! – перехватил меня за руку газетчик. – Ты ведь не морочишь мне голову?

– Даже в мыслях не было, – ответил я и в свою очередь спросил: – Не в курсе, стачка профсоюза транспортников еще продолжается?

– Профсоюзные деятели имеют к этому какое-то отношение? – насторожился Кай.

– Думаешь, я кинул бы тебе такую кость, будто это так?

– Не кинул бы, – вздохнул Дворкин и сообщил: – Да, стачка так и продолжается, а что?

– Это личное, – отмахнулся я, поднялся из-за стола и надел шляпу. – Позвоню.

– Очень на это рассчитываю.

– Не сомневайся даже, – усмехнулся я, вышел на улицу и снова закурил.

Постоял на крыльце, потом застегнул плащ и зашагал по тротуару, рассеянно поглядывая по сторонам. Давно рассвело, но небо затянуло полупрозрачной пеленой, на которой бледным кругом выделялось солнце. Похолодало, улицу понемногу затягивал туман.

Я никуда не торопился. Просто шел по городу, чувствуя, как постепенно отпускают тревоги и заботы. Свежий воздух и полбутылки дешевого виски сотворили маленькое чудо, и перед глазами перестали маячить оторванные конечности и расчлененные тела.

Несчастный случай, это всего лишь несчастный случай. Никакого злого умысла.

Но легче ли от этого близким погибших?

Я уже прошел мимо газетного киоска, когда решил купить пачку сигарет, и резко остановился, хлопывая себя по карманам. Отыскал бумажник, обернулся и краем глаза заметил резкое движение, словно кто-то поспешно свернул в переулок.

Сразу вспомнилось вчерашнее ощущение слезки, но суетиться я не стал, спокойно купил пачку сигарет и принялся перекладывать их в портсигар, ожидая возвращения *топтуна*. Никого в итоге так и не дождался.

Показалось? Вовсе не уверен.

Тогда я зашагал дальше и вскоре очутился на небольшой площади, запруженной молчаливыми людьми. Тронутые стояли плечом к плечу, не разговаривали, почти не шевелились и выглядели столь жутко, что у меня на затылке зашевелились волосы.

Стачка, организованная профсоюзом грузчиков, отличалась тем, что принимали участие в ней исключительно тронутые и, надо сказать, их молчание действовало на нервы ничуть не хуже криков разгневанных рабочих, но обходилось их отсутствие на рабочем месте куда как дешевле.

Подойдя к приглядывавшему за порядком патрульному, я продемонстрировал служебный жетон и осведомился о ближайшем питейном заведении. Полицейский удивленно наморщил лоб, резонно заподозрив некий подвох, но все же указал на переулок за зданием управления транспорта и подсказал:

– Как обойдете, вывеску и увидите.

– Благодарю, – улыбнулся я в ответ и отправился в указанном направлении.

Зашел в довольно-таки уютное заведение и сразу заметил у стойки бара человечка, тщедушного и потеряннго.

– Здравствуй, Карл, – поздоровался я со старым знакомым, присаживаясь рядом.

Карл Верст нацепил на переносицу лежавшие перед ним очки в золоченой оправе, недобро глянул на меня и отвернулся к початой бутылке виски.

Ну да, отношения у нас с ним были натянутые. Не так давно Карлу пришлось оказать нам с Бригом одну небольшую услугу, и она вышла ему боком.

– Виски, будьте добры, – попросил я одутловатого бармена и уставился на ровный ряд бутылок, точнее – на зеркало за ними. И когда там мелькнуло отражение прошедшего за окном человека, не удержался от удивленного возгласа: – Портер!

– Да, у нас есть портер, – не понял меня бармен. – Имперский портер «Полковник Милан». Отличная штука, как раз для такой погоды.

– Нет, давайте все же виски, – отказался я, не став объяснять причину возникшей путаницы.

Одутловатый дядька выставил передо мной стакан, плеснул виски, без спроса сыпанул колотого льда и отошел. Я поболтал бледно-желтую жидкость, потом развернулся к Версту и попросил:

– Поговори со мной, Карл.

– Нам не о чем разговаривать! – резко бросил тот в ответ и налил себе виски. Горлышко бутылки так и выбило дробь о край стакана.

– В самом деле так считаешь?

– По твоей милости я лишился работы! – Карл моментально позабыл о нежелании разговаривать и зло прошипел: – Теперь я в черном списке! Присматриваю за тронутыми, вот до чего докатился!

– Во-первых, не просто присматриваешь, а работаешь на профсоюз грузчиков.

– Невелика разница!

– Во-вторых, в ответ за услугу тебе оплатили карточный долг. Услугу ты оказал не мне, в карты тоже не мне проигрался. Наоборот, я только и делал, что решал твои проблемы.

– Лучше б ничего не делал!

– Значит, когда в следующий раз ты прибежишь с просьбой о помощи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.